

ДЕНЬ
ЧЕРНОЙ
СОБАКИ

ВАДИМ

Кровь уже пролилась...

ПАНОВ

18+

Настоящий триллер

Вадим Панов

День чёрной собаки

«Автор»

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

День чёрной собаки / В. Ю. Панов — «Автор»,
2023 — (Настоящий триллер)

ISBN 978-5-17-158838-0

Седой юродивый бродит по Москве, раздражая богатых понаехавших речами, которые никто не хочет слышать... Стаи летучих мышей вылетают из багажников каршеринговых автомобилей, открывая то, что никто не хочет видеть. Безжалостный серийный убийца выкладывает в Сеть видеоролики с записью изощренных преступлений, и их смотрят все. Не хотят, но смотрят. Замирая от ужаса, и пытаясь понять, кто станет следующей жертвой? Как поймать того, кто бросил вызов обществу? Это предстоит сделать майору Феликсу Вербину, но чтобы раскрыть дело, ему нужно узнать, какое отношение к потрясшим Москву убийствам имеет большая чёрная собака...

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-158838-0

© Панов В. Ю., 2023

© Автор, 2023

Содержание

двадцать девять лет назад	6
14 июля, четверг	9
в прошлом году	25
15 июля, пятница	30
в прошлом году	51
16 июля, суббота	59
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Вадим Панов

День чёрной собаки

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© В. Панов, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

двадцать девять лет назад

- Дай посмотреть! – громко попросил Руслан.
- Не покажу! – неожиданно отказался Илья и закрыл альбомный лист руками.
- Покажи.
- Не покажу.
- Я по-хорошему прошу.
- Не покажу.

Руслан был старше, правда, всего на четыре месяца, но старше. При этом выше Ильи на полголовы, крупнее и в компании считался заводилой. Мальчики ещё ни разу не дрались, ну, толкались пару раз, не сумев поделить игрушки, но это не считается, однако Илья и без драки понимал, что Руслан крепче и если захочет, то сможет отобрать и понравившуюся игрушку, и альбомный лист с заинтересовавшим его рисунком. Тем не менее – упёрся, окончательно спрятал рисунок, улёгшись на него телом, и исподлобья смотрел на друга, всем своим видом давая понять, что решения не изменит. И тем поставил Руслана в затруднительно положение, поскольку драться мальчик не хотел, но и отступать не собирался. Пришлось сменить тактику:

- Тебе жалко?
- Не хочу показывать, – ответил Илья, продолжая лежать на рисунке.
- Почему?
- Не хочу.

Остальные дети – Ада и Платон – внимательно наблюдали за назревающей ссорой, но пока не вмешивались. Но не потому что боялись Руслана – им было интересно, чем всё закончится.

Идея порисовать возникла неожиданно: весь день ребята провели на Оке с родителями, вернулись, пообедали, стали думать, чем заняться дальше, но вместо того, чтобы усадить детей перед телевизором, родители выдали им краски и предложили «создать картины, чтобы вечером устроить вернисаж». Идея понравилась: после месяца на даче привычные развлечения изрядно надоели, и дети с удовольствием набросились на краски, заняв под «художественную мастерскую» большую террасу в доме Ады. Родители же, убедившись, что на террасе воцарилась творческая тишина, радостно выдохнули и занялись своими делами.

- Покажи!
- Нет.
- Не хочет показывать – пусть не показывает, – примирительно произнёс Платон. – Что ты к нему пристал?
- Хочу посмотреть.

А Илья, воспользовавшись тем, что Руслан на мгновение отвлёкся, вскочил со стула, схватил лист и спрятал за спину.

- Ах так, да?
- Перестаньте ругаться, – попросила Ада. Ссоры у ребят случались не то чтобы часто, но периодически и давно не вызвали у зрителей, которыми становились разные члены компании, сильных эмоций, только технический интерес – кто победит? И если Платон внимательно наблюдал за друзьями, то девочка спокойно закончила наносить на свой рисунок синюю краску, тщательно вымыла кисточку и только после этого вновь посмотрела на мальчишек. – Чего вы опять не поделили?

- Он у меня срисовывает, – отрывисто бросил Руслан.
- Или ты у меня, – ответил Илья.
- Я первый его нарисовал.
- Нет, я!

– Нет, я!

– А что вы рисуете? – поинтересовалась Ада.

– Лес, – ответил Руслан, даже не посмотрев на девочку.

– Такой?

Ада показала ссорящимся друзьям свой лист и улыбнулась, увидев появившееся на их лицах удивление.

– Ты тоже?

– Да.

– И я нарисовал лес, – растеряно произнёс Платон.

Илья вытащил лист из-за спины, Руслан принёс свой с дальнего конца стола, дети посмотрели разложенные на столе рисунки и переглянулись:

– Но почему?

– А что тут ещё рисовать?

Терраса примыкала к задней стороне стоящего на высоком фундаменте дома. С неё можно было спуститься в большой сад, который где-то далеко – во всяком случае, так казалось ребятам – заканчивался высоким поселковым забором. За забором поднимался тёмный ельник, и старые, необыкновенно высокие деревья мрачно нависали над участком Ады, закрывая изрядную часть неба.

– Страшный лес, – вздохнул пухленький Тоша.

Друзья не ответили, но и смеяться не стали.

Потому что Платон был прав.

– Я нарисовала лес на закате, – объяснила свой рисунок девочка. – Солнце садится позади дома, и лучи очень красиво подсвечивают ели. Мне об этом мама рассказала, научила видеть, и мне захотелось нарисовать его таким.

– Лучи корявые, – буркнул Руслан.

– На свой рисунок посмотри, – заступился за Аду Илья. – Вообще ничего не видно!

– Потому что у меня лес – ночью. И если приглядеться, то всё видно.

– Видно чуть-чуть, – согласилась Ада только для того, чтобы мальчишки не стали снова ругаться. Ей было всего семь, но она уже знала, что Илья её слушает, а Руслан не будет продолжать, если ему не противоречить. – А что у тебя?

– У меня лес днём, как сейчас, – рассказал Илья. – Вокруг светло, а он очень тёмный.

– Поэтому нам нельзя в него ходить, – произнёс Руслан. – Он всегда тёмный, страшный и злой.

– С родителями – можно, – уточнил Илья.

– Родители взрослые, им не страшно.

– Родители запрещают нам ходить в лес, потому что мы ещё маленькие и они боятся, что мы заблудимся, – медленно сказала Ада. – Но однажды мы в него войдём. Только мы, без родителей.

– Когда вырастем?

– Когда настанет время.

– Это как?

Некоторое время Ада молча смотрела на задавшего вопрос Илью, после чего ответила:

– Так сказала мама.

– А когда настанет время?

– Когда захотим, – ответил Руслан, которому очень хотелось скорее стать взрослым.

Ответил, перевёл взгляд на рисунок четвёртого члена компании и ткнул пальцем в человеческую фигурку: – А это кто?

– Ведьма, которая живёт в лесу.

Платон изобразил её достаточно схематично, как мог, но было совершенно ясно, что женщина крупная и черноволосая. А у её ног мальчик изобразил чёрную собаку.

Дети долго, почти минуту, молча разглядывали рисунок Платона, а затем, не сговариваясь, посмотрели на соседний дом.

14 июля, четверг

Победитель неофициального и никогда не проводившегося опроса «Кто, по вашему мнению, является самым непредсказуемым и безбашенным московским водителем?» менялся часто. Давным-давно, когда семейные автомобили считались если не роскошью, то показателем существенного достатка, первую позицию уверенно занимали «подснежники». В те времена машины принято было беречь, на зиму прятать в гаражи или иные подходящие места, а ездить на них исключительно в дачный сезон, с весны до осени, после чего снова убирать «под снег». Что и стало причиной появления красивого, но обидного прозвища. Опыта у «подснежников» было крайне мало, тем более что подавляющее большинство из них и в сезон садилось за руль редко, только по выходным – на дачу и обратно – поэтому на дороге они держались неуверенно, чем крепко раздражали «обычных» водителей, катавшихся по городу круглый год. Затем пальму первенства перехватили водители заполонивших мегаполис маршруток – пассажирских микроавтобусов, ездящих без расписания, по принципу: время – деньги. А поскольку многие водители маршруток переехали в столицу из регионов с весьма условным пониманием правил дорожного движения, они быстро превратили московские улицы в филиал своей малой Родины, и ДПС пришлось приложить немало усилий, чтобы вернуть городу столичную солидность, избавив его от элементов восточного базара. На смену маршруткам пришли водители небольших, как правило белых, очень юрких и потому необыкновенно наглых грузовичков, за которыми последовало нашествие таксистов из независимых, но дружественных государств Средней Азии – надёжные навигаторы сделали профессию настолько мультикультурной, что многие московские таксисты не понимали московских пассажиров, ориентируясь лишь на информацию из приложения. Но даже обладатели водительских лицензий из независимых, но дружественных государств Средней Азии потеряли первое место, на которое уверенно поднялись пользователи каршеринга. Модный сервис краткосрочной аренды автомобилей быстро завоевал популярность у жителей столицы, на рынке появилось несколько крупных компаний, машины которых стали частыми гостями в уличном потоке, но далеко не все их клиенты обладали достаточным опытом, а главное – осторожностью. Чужая машина есть чужая машина: мало кто будет внимательно относиться к взятому в недолгую аренду автомобилю, который, по сути, представляет собой не более чем способ перемещения из точки А в точку Б, после чего навсегда исчезает из жизни арендатора. Ну а особенную «любовь» пользователи каршеринга снискали привычке бросать машины как попало, не задумываясь об удобстве окружающих, и в городе не раз и не два возникали скандалы из-за перекрытых оставленными автомобилями дворов.

Впрочем, Артур Пирожков плевать хотел на отношение московских водителей к пользователям каршеринга. Артуру нужно было ехать, причём не по делам, а на свидание с Настей, на третье свидание, которое имело все шансы закончиться утром, что заставляло молодого человека немного волноваться. В том числе о том – найдётся ли поблизости машина.

В смартфон Пирожкова, как и любого другого уважающего себя пользователя каршеринга, были загружены приложения нескольких компаний. Они хранились в отдельной папке и располагались в строгой очередности: от самой любимой и недорогой фирмы до самой известной, обладающей наибольшим парком машин, но задравшей стоимость аренды до такой высоты, что к её приложению Артур обращался исключительно в тех случаях, когда конкуренты ничего предложить не могли, а ехать требовалось срочно. Но сегодня Пирожкову повезло: неподалёку от него замерли в ожидании целых три автомобиля «любимой» фирмы, один из которых сразу привлёк его внимание.

– «Трешка», – пробормотал он, довольно улыбнувшись.

BMW третьей модели – как раз такая, какую молодой человек очень хотел купить, но понимал, что в ближайшие пару лет мечту свою не исполнит. Зато можно взять понравившуюся модель в аренду и представить, что машина – твоя, хоть на полчаса, но твоя. Время от времени, когда позволяли обстоятельства, Пирожков брал какую-нибудь из «статусных» машин вроде BMW, «Audi» или «Mercedes» и катался на них по ночному городу или МКАД. Летом – с открытыми окнами, включив на полную громкость музыку. И наполнялся уверенностью в том, что однажды такая машина будет принадлежать ему. Сначала – «трёшка», а затем и более престижная модель.

Артур верил в себя.

BMW стояла чуть дальше двух других автомобилей, но это не имело значения: Пирожков быстро преодолел лишнее расстояние, внимательно оглядел машину – никаких повреждений, салон чистый, документы... наверное, на месте – их Артур никогда не проверял, уселся в шофёрское кресло, поправил зеркала, пристегнулся и только после этого нажал кнопку «Поехать» – чтобы не платить за лишние секунды. Завёл мотор, улыбнулся едва слышному урчанию двигателя – дешёвым машинам Пирожков не улыбался никогда – и неспешно направился по Волгоградскому в сторону области. Если верить навигатору, до места встречи он доберётся на десять минут раньше, чем нужно.

«А может, предложить Насте покататься?»

Неожиданная мысль так понравилась Пирожкову, что он, воспользовавшись остановкой на светофоре, открыл в смартфоне банковское приложение, проверил, сколько осталось на счёте, и с облегчением выдохнул, убедившись, что денег достаточно даже для часовой поездки и расходы не сильно ударят по бюджету. Можно договариваться.

«Покатаемся, потом поужинаем, потом к ней... Идеальный вечер!»

Однако в следующий момент Артур сообразил, что критерии идеальности у них с Настей могут сильно отличаться и девушка, вполне возможно, представляла третье свидание иным образом. Он вновь взял телефон, собираясь позвонить Насте и обсудить пришедшую в голову идею, как вдруг увидел вышедшего на проезжую часть инспектора ДПС, который повелительным жестом велел Артуру остановиться.

«Блин! Я ведь только взял его в руку! Даже не разблокировал!»

Пирожков решил, что бдительный страж порядка заметил в его руке телефон, и приготовился врать, что «просто бросил взгляд на навигатор». И старательно давил охватившее его раздражение: «Нашёл к чему придраться, блин! Будто не понимает, что у меня каждая минута денег стоит! Или он это специально?»

Но раздражение раздражением, а подчиняться приказу полицейского он обязан. Артур послушно взял вправо, прижался к обочине и заглушил двигатель, собираясь перевести арендованную машину в дешёвый режим ожидания. Но не успел.

– Добрый вечер, инспектор дорожно-патрульной службы капитан Теряев, – произнёс офицер, отдав, как положено, честь. – Ваши документы, пожалуйста.

– Я что-то нарушил?

– Московское управление проводит рейд по выявлению поддельных аккаунтов пользователей каршеринга.

– А-а... С этим у меня всё в порядке.

– Надеюсь. Выйдите, пожалуйста, из машины и предъявите документы.

– Конечно.

Артур демонстративно отстегнул ремень безопасности, вышел и отдал права. И заметил, что мимо неспешно проехал каршеринговый KIA, на который ни Теряев, ни его напарник, не обратили никакого внимания.

– Приложение покажите, пожалуйста.

Отдавать инспектору телефон молодому человеку не хотелось.

– Из моих рук посмотрите?

– Какие-то проблемы?

– Не знаю. – Пирожков понял, что теряется. Что происходит? Почему его остановили? Рейд? Допустим, рейд, но почему в таком случае полицейские не останавливают другие проезжающие каршеринги? Почему напарник инспектора не подошёл, а остановился в шаге и чуть сбоку? И почему вторая машина...

Артур увидел, что подъехавший автомобиль ДПС остановился впереди, небрежно и будто случайно заблокировав BMW выезд.

– Что происходит? – выдавил из себя Пирожков.

– Всё в полном порядке, – спокойно произнёс Теряев, глядя молодому человеку в глаза. – Откройте, пожалуйста, багажник.

– Разве у вас есть право требовать это от меня?

– Нет, у меня такого права нет. Я просто прошу вас открыть багажник.

Пирожков почувствовал, что его охватывает паника. Он даже покачнулся, потому что ноги на мгновение ослабли, а к горлу подкатил неприятный комок, всегда появляющийся в начале панической атаки.

И ведь до сих пор непонятно что происходит! Инспектор перед ним, напарник сбоку. Вышедшие из второй машины полицейские встали возле BMW, не спуская с Артура глаз. И никого из инспекторов не интересует идущий по Волгоградскому проспекту поток автомобилей, всё их внимание приковано к Пирожкову.

– Я не открывал багажник, когда брал машину, – сглотнув, произнёс молодой человек. – Не знаю, что вы ищете, но не стану нажимать на кнопку. На ней нет моих отпечатков. И не будет.

Теряев кивнул, словно услышал то, что должен был услышать, и жёстко, но с прежней вежливостью, приказал:

– Пожалуйста, положите руки на капот автомобиля и чуть расставьте ноги.

– Зачем?

– Пожалуйста, сделайте, как я приказал.

Больше полицейские не скрывались – напарник Теряева вытащил из кобуры пистолет и навёл его на Артура.

– Что происходит?

– Руки на капот, – повторил инспектор. А когда насмерть перепуганный Пирожков подчинился, быстро похлопал его по бокам. – Оружие при себе есть?

– Откуда?

– А в машине?

– У меня нет оружия! – выкрикнул Артур. – Почему вы ко мне пристали? В чём меня обвиняют?

Отвечать ему пока не стали.

Теряев защёлкнул на руках Пирожкова наручники и кивнул, показывая, что задержанный находится под полным контролем. Его напарник вернул пистолет в кобуру, открыл водительскую дверь BMW и перевёл взгляд на замерших у багажника коллег. Увидел поднятый вверх большой палец одного из них и надавил на кнопку. Крышка багажника распахнулась и...

Впоследствии все отмечали невероятную выдержку, проявленную полицейскими в нестандартной, мягко говоря, ситуации, которую очень трудно было спрогнозировать: стоило крышке багажника открыться, как на свободу вырвалась стая потревоженных летучих мышей. Как показалось ошарашенным патрульным – огромная стая. Летучие мыши замельтешили перед глазами, заставили ошарашенных инспекторов отступить, но при этом никто из них даже не подумал выстрелить.

Но все, разумеется, выругались. Кто-то коротко, кто-то – замысловато, но все – громко. И их поддержали ошарашенные необычным зрелищем водители проезжающих автомобилей. Один из которых зазевался настолько, что едва не въехал в багажник притормозивших «Жигулей». И в самом деле – в Москве не часто увидишь вылетающую из багажника автомобиля стаю летучих мышей.

Когда же крылатые твари растворились в летнем небе, полицейские медленно приблизились к BMW и заглянули в багажник. И тот из них, который стоял слева, посмотрел на Теряева и громко сообщил:

– Вызывай бригаду – здесь труп.

Второй полицейский сплюнул и выругался, напарник Теряева достал рацию, а Пирожкову стало плохо.

* * *

В последнее время Феликса Вербина стало тянуть домой...

Нет, он не превратился в домоседа или пока не превратился. Нет, он не сделал в своей квартире роскошный ремонт, наполнив её «всем необходимым для жизни и комфорта», начиная от современных кухонных устройств и заканчивая сауной и зимним садом, – такой квартиры у него никогда не будет. Нет, Феликса не перевели на «удалёнку» – не могли перевести, поскольку старший оперуполномоченный по особо важным делам не в состоянии делать свою работу, сидя за компьютером. Или – только за компьютером. И он не разлюбил свою работу и продолжал с удовольствием ходить «в поле», но его стало тянуть домой. По-настоящему тянуть, а не потому что устал и нужно упасть в кровать и как следует выспаться. А перед сном поесть, если, конечно, в холодильнике что-нибудь отыщется, и принять душ. Если будет время – потупить перед телевизором и перед ним же заснуть. Или провести ночь с женщиной.

Раньше, когда квартира являлась местом для этих и других обыденных дел, Феликса домой не тянуло. Он просто приезжал по знакомому с детства адресу, мылся, ел, тупил перед телевизором или за компьютером и падал в кровать, не испытывая никаких особенных чувств к месту обитания. И даже магия родного дома – ведь когда-то именно сюда привезли завёрнутого в пелёнки Вербина – перестала работать после смерти родителей. Не сразу, но перестала. Дом стал для него чем-то вроде гостиничного номера, за тем лишь исключением, что уборка не входила в квартплату, и если бы в Петрах¹ ему отвели отдельную комнату с душем, Феликс ни за что не стал бы тратить время на дорогу. Даже на очень короткую.

Но комнату на работе ему никто выделять не собирался и на протяжении многих лет Вербин возвращался в квартиру, как в гостиничный номер, не в дом, а в его подобие. Но теперь всё поменялось.

Вот уже год Вербина тянуло домой.

Ведь дома его ждала Криденс. Если нет – Феликс заезжал за ней в бар «Грязные небеса», благо он, Петры и квартира располагались недалеко друг от друга. Бар в один зал, но довольно большой, отделанный благородным тёмным деревом, выглядящий «на миллион долларов», но с адекватными ценами; расположенный на тихой улице, но всегда заполненный по вечерам. Бар, над главной стойкой которого висела доска с вырезанным изречением Публия Сира: «Contra felicem vix deus vires habet»². Бар, в котором его знали все, начиная от администратора Кати, с которой Феликс обменялся поцелуями у дверей, и заканчивая здоровенным чёрным котом Баем, ради которого Криденс распорядилась снять верхнюю декоративную доску стойки,

¹ Петры – сленговое название Московского полицейского управления, расположенного по адресу ул. Петровка, дом 38.

² «Против счастливых даже бог бессилён» (лат.).

чтобы Бай, когда ему того хотелось, мог бродить под самым потолком и оттуда тарашиться на посетителей.

Войдя внутрь, Вербин машинально посмотрел вверх, заметил зелёные глаза Бая и едва заметно улыбнулся.

– Лекс, привет! Ты сегодня рано. – Криденс подошла сзади, положила правую руку на плечо Феликса, а когда он повернулся – поднялась на цыпочки и поцеловала мужчину в губы. – Или просто забежал?

– Надеюсь, сегодня действительно рано – мне пообещали свободный вечер, – ответил Вербин, раздумывая, не поцеловать ли Криденс ещё раз, крепче, но сдержался.

– Какие планы?

– Мои планы – ты.

Об этом Криденс знала, но одно дело знать и совсем другое – слышать, как мужчина произносит эти слова. Произносит снова и снова. Произносит, глядя в глаза. Слышать, и улыбаться, понимая, что мужчина говорит искренне.

– Я освобожусь через час, не раньше, – извиняющимся тоном произнесла Криденс. – Сейчас приедут люди, с которыми обязательно нужно поговорить.

– Поставщики?

– Да.

– Я подожду.

– Спасибо.

– А как иначе? – Криденс кивнула, собралась отойти, однако Феликс слишком хорошо её знал, чтобы не уловить лёгкую грусть в голосе и удержал подругу за талию. – Что-то не так?

Она помолчала, а затем легко улыбнулась:

– Никогда не привыкну к тому, как легко ты меня читаешь.

– Я тебя не читаю, Кри, я тебя чувствую. И ты привыкнешь.

– Уже привыкла. Просто иногда... Иногда ты оказываешься слишком проницательным.

– Просто иногда мои вопросы оказываются неожиданными.

– Или так. – Криденс провела рукой по щеке Вербина. – Со мной всё в порядке, милый, а вот Прохор места себе не находит. Даже от сэндвича отказался.

– И что он делает?

– Бросил сэндвич в мусор, побродил по двору, похныкал и ушёл.

– Понятно.

– Я знаю, как ты к этому относишься... – начала было девушка, однако Феликс не дал ей договорить:

– Я знаю, как к этому относишься ты, Кри, и только это имеет значение.

Вербин не верил в приметы, карточные гадания и астрологические прогнозы. Жизнь и профессия сделали его человеком практичным, с изрядной долей цинизма, научили полагаться на факты, и только на факты, и потому интерес, который Криденс проявляла к мистическим совпадениям, предсказаниям и прочей магии, вызывал у Феликса недоумение. К счастью, её увлечение протекало в лёгкой форме, без личных экстрасенсов и постоянных походов к астрологу. Но в «знаки» девушка верила.

Что же касается Прохора, он был классическим московским юродивым. Не бомжом или бродягой, а именно юродивым – так, едва взглянув, назвала его Криденс, и все с нею согласились.

Юродивый.

Зимой и летом в одних и тех же обносках, словно не замечая смены времён года; то замыкающийся в себе, то говорящий со всеми сразу; немывтый, нечёсанный, абсолютно неопределённого возраста; седой как лунь Прохор бродил по Москве, раздражая богатых понаехавших, несколько раз исчезал, оказываясь по их доносам то в психушке, то в полицейском «обе-

зьяннике», но всякий раз возвращался на улицы – потому что до тех пор, пока в Москве будет оставаться хоть один москвич, юродивых трогать не будут.

Прохор бродил по всему городу, но с того мгновения, как Криденс громко и вслух назвала его юродивым, стал часто появляться у чёрного хода «Грязных небес». То ли почувствовал, что девушка не обидит, то ли потому, что Кри распорядилась его подкармливать. И тот факт, что вечноголодный юродивый отказался от еды, она сочла плохим предзнаменованием.

– Прохор уже бросал сэндвичи в мусор, и после этого обязательно случалась какая-нибудь неприятность.

– Налоговая приходила?

– Если бы только приходила. – Криденс вновь поцеловала Феликса, на этот раз – в щёку, и улыбнулась: – Я скоро. Постарайся сильно не напиваться.

– Я не могу напиваться – у меня серьёзные планы на вечер.

Она вновь улыбнулась, очень мягко, и направилась в кабинет, а Вербин вышел покурить, но не на улицу, а через чёрный ход на задний двор заведения, в переулок. И там обнаружил Прохора. Юродивый сидел на перевёрнутом ящике, обхватив себя руками, и мерно раскачивался, едва слышно подвывая. Глаза его были закрыты.

Феликс остановился в нескольких шагах от Прохора и щёлкнул зажигалкой. Обращаться не стал, он никогда не начинал разговор первым... да и не разговоры это были, поскольку спрашивать юродивого бессмысленно – нужно слушать и пытаться понять, что он хочет сказать. Или не слушать и не пытаться, тут уж каждый решает сам. Феликс Прохора слушал, но исключительно из вежливости, не воспринимая услышанное всерьёз. И не понимал, как к словам юродивого можно относиться без толики здоровой иронии.

Вербин выкурил сигарету – всё это время Прохор оставался в прежней позе и ни разу не открыл глаза, – потушил окурочек и только собрался вернуться в бар, как услышал хриплый голос.

– Крови не будет! – сказал юродивый абсолютно спокойным и очень чистым голосом. У Прохора бывали моменты, когда он казался нормальным, и это был один из них.

– Что?

Вербин повернулся, убедился, что Прохор по-прежнему сидит с закрытыми глазами, но сказал себе, что юродивый наверняка приоткрывал их и увидел, кто вышел во двор.

– Кровь уже пролилась, крови больше не будет. – Прохор запустил обе руки в нечёсанные волосы, помолчал и закончил: – Но будет страшно.

– О чём ты говоришь?

– Кто-то замешал густую кашу на крови, которую забрал, – продолжил Прохор, как обычно, не обратив на уточняющий вопрос никакого внимания. – Замешал и поставил на огонь. И все, кто с ложкой, – кровью измажутся. А кто съест – кровью сблюёт... Хоть ложечку съест – сблюёт и умрёт проклятым! Такая она – на крови каша... кто попробует – умрёт проклятым... – Юродивый неожиданно открыл глаза и пронзительно посмотрел на Феликса. – Каша на крови – горькая. Кровь сладкая, а каша – горькая. Хоть ложечку съешь – умрёшь проклятым... Хоть ложку съешь!

Прохор вскочил, несколько раз топнул ногой и побежал со двора прочь. А остановившийся у чёрного хода Вербин подумал, что когда юродивый обращается к тебе, когда давит на тебя, пусть даже его торопливая речь походит на горячечный бред, – это производит сильное впечатление. И даже он, человек рациональный, прагматичный и циничный, не сумел остаться равнодушным.

«Кровь уже пролилась... Какая кровь? О какой каше говорил Прохор? Как эта каша связана со мной?..»

– Опомнись! – Впечатление оказалось настолько сильным, что Феликсу пришлось вслух приказать себе начать относиться к происходящему здраво. – О чём я думаю? О словах сумасшедшего? Какое отношение они имеют к реальности?

С точки зрения логики – никакого. Но равнодушным не оставили.

Феликс вернулся в зал, уселся за стойку напротив большого телевизора, и около него мгновенно появился бармен.

– Привет.

– Привет, Антон.

– Кофе?

– Эспрессо и на два пальца «Макаллана». – День завершался, и Вербин не видел ничего дурного в том, чтобы закончить его небольшой дозой крепкого.

– То есть как обычно?

– Ага.

Вербин не в первый раз завершал день в «Грязных небесах», и бармены точно знали, что после «небольшой дозы крепкого» продолжения не последует – Феликс умел останавливаться.

– Трудный день?

– Нормальный, – ответил Вербин, наблюдая за тем, как Бай поднялся, потянулся и стал медленно двигаться вдоль стойки.

– Как в Москве со злодеями?

– Почти всех поймали.

Феликс не видел необходимости скрывать от работников «Грязных небес», чем занимается, и спокойно относился к незлым шуткам и подколкам. Что же касается Антона – самого старого бармена заведения, – друзьями они не были, но Вербин выделял его среди остальных и в какой-то момент согласился перейти на ты.

– То есть мы можем спать спокойно?

– Вполне.

Бай добрался до телевизора, уселся справа от него, и, поднимая взгляд, Вербин теперь видел не только экран, но и ярко-зелёные глаза здорового сибирского кота. Кот зевнул ему в ответ, но взгляд не отвёл, смотрел не мигая. Секунд через десять Феликс кашлянул и отвернулся, в очередной раз сказав себе, что никогда не выиграет в «гляделки» у этой скотины. Довольная «скотина» беззвучно с этим согласилась.

– Можно спросить?

Предварительный вопрос означал, что основной может оказаться неприятным и Антон честно об этом предупреждает. Феликс молча кивнул.

– Когда ты вернулся со двора, то выглядел или растерянным, или расстроенным.

– Задумчивым?

– Или растерянным, или расстроенным, – повторил бармен. – Но если не хочешь – можешь не отвечать. Я честно извинился за вопрос.

За нормальный вопрос для нормального человека, заметившего, что его хороший знакомый чем-то расстроен. И потому Феликс ответил честно:

– Во дворе я встретил Прохора.

– Он же уходил.

– Значит, вернулся.

– И сказал тебе что-то неприятное? – догадался Антон.

– Какую-то ерунду, – попытался отмахнуться Феликс.

– Но она тебя зацепила.

– Да, услышанная ерунда меня зацепила, – признался Вербин. Помолчал и спросил: – А как ты относишься к тому, что говорит Прохор?

До сих пор они с Антоном этой темы не касались – повода не было, но сегодняшняя, хоть и короткая, но необычно яркая, надрывная речь не отпускала Феликса. Он понимал, что через час-два впечатление от услышанного уляжется, даже слова забудутся, но время ещё не прошло, слова звенели в ушах, вот Вербин и решил расспросить бармена.

– Юродивые не понимают, что говорят, – сразу же, словно ждал вопроса, ответил Антон. После чего сделал совершенно неожиданный для Вербина вывод: – Поэтому их нужно слушать.

– Потому что их устами говорит Бог?

– Каждый решает для себя.

– А с тобой Прохор говорил?

– Нет.

– Это хорошо или плохо?

– Понятия не имею, – развёл руками Антон. – Но знаю, что сегодня Прохор уходил, а если он уходит, то в тот день больше не возвращается. А раз вернулся, то он специально вернулся к тебе, чтобы сказать то, что ты услышал и из-за чего вошёл в зал с перекошенным лицом.

– С задумчивым, – поправил бармена Феликс.

– Если ты так изображаешь задумчивость, то хорошо, что я не видел, как ты сдаёшь квантовую механику.

– Я никогда не сдавал квантовую механику.

– Значит, и профессорам твоим повезло. Расскажешь, что сказал Прохор?

– Он ведь это мне сказал.

– Резонно.

– Угу. – Феликс допил виски, чувствуя, как разливается по телу приятное тепло, на мгновение задумался, не повторить ли, но в этот момент подал голос телефон. Звонил Гена Колыванов, старший опер из отдела Вербина. Он сегодня оставался «на хозяйстве» и вряд ли позвонил, чтобы узнать, весело ли Феликс коротает вечер.

– Спишь?

– Сплю.

– А кто орёт на заднем плане?

– Соседи дискотеку устроили.

– Бухаешь? – догадался Колыванов.

– Нет, не успел, – соврал Вербин.

– Правда не успел?

Феликс понял, что дело серьёзное и ответил честно:

– Только начал. Один шот.

– Сойдёт, – подумав, решил Гена. – Через сколько сможешь быть на Волгоградском проспекте?

– Он длинный.

– Я скинул геолокацию.

– Сейчас. – Феликс открыл смартфон, посмотрел на пробки, прикинул и ответил: – Минут тридцать-сорок.

– Давай скорее, – буркнул Колыванов. – У нас тут всё очень некрасиво, и Шиповник хочет тебя.

Дополнительных объяснений не требовалось. Вербин отключил телефон и посмотрел подошедшей Криденс в глаза.

– Гена сказал, что там некрасиво, а значит, случилось что-то по-настоящему серьёзное. – Короткая пауза. – Извини.

– Ты не должен извиняться, Лекс, – мягко улыбнулась Криденс. – Я знаю, что когда ты освобождаешься – сразу идёшь ко мне. Это важно. Всё остальное – обстоятельства.

– Я всегда буду приходить к тебе, – тихо сказал Феликс.

– А я всегда буду ждать. – Криденс обняла его за шею и поцеловала. – Приходи скорее.

* * *

Убийца долго не мог решить, с чего следует начать видеоролик. Показать, как едет «заряженная» машина? А не скучно? Показать, в каком виде полицейские нашли тело? Ошарашить сразу? Показать процесс подготовки тела? То есть ошарашить ещё сильнее? Как лучше? И после долгих размышлений убийца решил «открыть» видео кадрами вылетающих из багажника мышей. Он снимал издали, в сумерках, однако использовал очень хорошую камеру и запись получилась качественной. Весь эпизод получился качественным: распахнувшаяся крышка багажника, оторопевшие полицейские, вылетающие мыши... Но сейчас убийцу не интересовало ничего, кроме мышей. И он решил, что именно с этого, необычайно эффектного кадра будет начинать все ролики.

– Зло давно стало повседневностью. Зло во всём, что вас окружает. Зло в каждом из вас. Ложь, лицемерие, равнодушие, подлость... Вы тяжело больны, и тёмные камни города не позволяют вам излечиться. Тёмные камни столетиями впитывали зло и постоянно возвращают его, превращая вас в чудовищ, в жилах которых течёт отравленная кровь. Вы этого не замечаете, не задумываетесь над тем, сколько зла приносите в мир, и не задумаетесь до тех пор, пока на вашем пути не встану я.

Сначала убийца планировал ограничиться коротким, но максимально ёмким посланием, сопровождающим наиболее яркие кадры убийства. Долго работал над текстом, тщательно подбирал слова, которые должны были наилучшим образом описать видео и поразить зрителей. В конце концов написал. Однако отснятого материала оказалось много, причём настолько интересного материала, что терять его убийца не захотел, и видеоролик, изначально задумывавшийся как минутный, получился вдвое длиннее.

– Оскорбляя, подставляя, обманывая и убивая, вы приняли поцелуй Дракулы и превратились в настоящих упырей. Вы позабыли о совести и совершаете чудовищные мерзости. Ради чего? Ради денег, ради славы, ради того, чтобы совершить мерзость. Вы пьёте кровь тех, кто слабее, и пьёте её с наслаждением, превращая свою кровь – в проклятую. Но я посчитаю грехи ваши и воздам каждому по делам его. И начну со странных сестёр, красота которых скрывает жуткую тьму их душ.

И только теперь он показал зрителям подготовленное тело. Распластанное на металлическом столе. Ещё целое, но уже лишённое крови. Показал рану на шее и пятна на полу. Показал так, чтобы не осталось сомнений – это не монтаж и не постановочные кадры.

– Многие из вас боятся Дракулу и его упырей, считают, что раз они сильнее, то вправе пить нашу кровь. Но правда в том, что бояться должны они – порождения Зла. И я покажу, как они должны бояться, как должны трястись от страха те, в ком есть грех. Я очищу город от упырей и сжегу их проклятую кровь, чтобы она не попала на московские камни. Я буду чистить город от порождений Тьмы, а вы никогда не узнаете моё настоящее имя.

Эта фраза особенно нравилась убийце, и она идеально легла на видео – изображение растерянных полицейских.

Когда-то давно для привлечения внимания приходилось обращаться к журналистам, посылать письма в редакции или телевизионные студии, и нельзя было быть уверенным, дойдёт ли письмо и не скроют ли его «в интересах следствия». Сейчас всё стало намного проще. Хотя нет, с одной стороны, проще, с другой – сложнее. Сеть позволяет обратиться к миллионам людей, но Сеть замусорена колоссальным количеством бессмысленной информации, сквозь которую очень сложно пробиться. Но убийца хорошо подготовился и был уверен в том, что сумеет привлечь к своему обращению всеобщее внимание.

И ещё был уверен в том, что ни одно специальное подразделение, занимающееся работой в Сети, не сможет отследить, откуда было отправлено видео.

Убийца очень хорошо подготовился.

– Я выложил это видео не ради славы, а для того, чтобы вы знали о происходящем. И буду выкладывать впредь. И никто не сможет меня остановить: ни в Сети, ни на улице. Подумайте об этом, когда вам предложат выпить чью-то кровь...

* * *

А на Волгоградском проспекте разворачивалось то самое действие, которое, с одной стороны, не вызывало у Вербина восторга, с другой – обещало интересное расследование. Не гарантировало, но обещало.

Расследование убийства.

Которое всегда начиналось с большого съезда больших начальников. Обнаружение трупа – событие чрезвычайное, поэтому на Волгоградке собрались офицеры из районного отдела, начальник уголовного розыска окружного управления и заместитель начальника окружного управления – их Вербин знал в лицо, так же, как шефа окружной «убойки», который тоже присутствовал. Петровку представляли они с Колывановым и их руководитель, подполковник Шиповник, который что-то горячо обсуждал с другими начальниками и только что подъехавшим следователем. Также находились патрульные машины, автомобили начальства, фургон экспертов, перекрытая полоса оживлённой улицы, небольшая толпа зевак и любопытные взгляды медленно проезжающих по Волгоградскому проспекту автомобилистов.

Гена позвонил сразу, как поступил приказ выдвигаться, Феликсу повезло добраться быстро, и он оказался на месте происшествия в удачный момент: руководство уже рассмотрело труп и удалилось, а эксперты к работе ещё не приступили – поэтому у Вербина появилась возможность спокойно оглядеться.

– Криминал? – спросил он у Колыванова.

– По виду – да, – кивнул Гена. Поскольку расстались они всего пару часов назад, обмениваться рукопожатиями сочли излишним.

– Проблемный?

– Ты даже не представляешь насколько.

– Женщина?

– Ага, – подтвердил Колыванов. – Её ещё не достали, но похоже, что молодая женщина.

– А так не видно?

– Так не видно, – ответил Гена, но от дальнейших уточнений отказался.

Колыванов был на четыре года младше Вербина, носил капитанские погоны и очень любил работать с Феликсом в паре, не скрывая, что многое у него перенимает. Вербин к таким заявлениям относился скептически, считая, что у него ещё рано учиться, но Гену выделял и ценил. И смотрел на него сверху вниз. В буквальном смысле слова, поскольку плотный русский крепыш Колыванов едва доходил длинному Вербину до подбородка.

Впрочем, на Феликса многие смотрели снизу вверх – что естественно при росте сто девяносто четыре сантиметра. Вербин был длинным, но не тощим, но при этом и не «шкафом», мышцы у него были, но не «гора», другими словами, Феликс был тренированным, но не раскачанным, а поджарым и сухим. Он имел вытянутое лицо, с классическим «упрямым» подбородком, серые глаза и светло-русые волосы, которые коротко стриг и зачёсывал набок. Одежду, как и многие коллеги, предпочитал свободную, не сковывающую движений, и сейчас на нём были летние серые брюки, низкие белые кеды и лёгкая белая сорочка с короткими рукавами. Для московской жары – самая подходящая форма. А для бумаг и документов приходилось таскать с собой маленькую кожаную сумку.

– «Бытовуха»?

– С чего ты взял? – удивился Гена.

– Первое, что приходит в голову, – пожал плечами Феликс. – Очередная семейная ссора, возможно, начавшаяся с совместного распития спиртного, закончилась убийством. Скорее всего, пырнул благоверную кухонным ножом, растерялся, стал думать, как избавиться от тела, вспомнил, что видел в кино, замотал в полиэтиленовую плёнку для продуктов, ночью вытащил из квартиры, погрузил в каршеринг, покатался по городу, чтобы оказаться подальше от дома и бросил машину, надеясь, что следующие пользователи не полезут в багажник.

– А если полезут, то он окажется первым в списке на проверку.

– Значит, у него «левый» аккаунт. – Вербин уже понял, что с «бытовухой» он ошибся и посмотрел Гене в глаза: – Не томи, что там?

– Сейчас сам увидишь. – Они как раз подошли к притулившейся у обочины BMW с распахнутым багажником. – Поверь, ты не будешь разочарован.

– Да, уж... – выдохнул Вербин, заглянув в багажник. – Интересно.

Третья модель BMW большими габаритами не отличается, поэтому убийце пришлось заранее согнуть завёрнутое в полиэтилен тело и зафиксировать скотчем.

– Предусмотрительный.

– Не был уверен, что сможет арендовать достаточно большую машину.

– Значит, убил давно, побоялся, что окончание не позволит упаковать труп в багажник, и заранее придал телу нужную форму. – Вербин качнул головой. – Предусмотрительный.

– Ты это уже говорил.

– Гена, никогда не отказывайся выслушать умную мысль дважды – так она лучше запомнится.

– Тебе говорили, что у тебя дерьмовый характер?

– Ты мне на это жаловался часа три назад.

Колыванов хмыкнул и кивнул:

– На руку посмотри.

Труп лежал на левом боку, и, несмотря на плёнку, Вербин заметил, что убийца отрезал жертве пальцы.

– Не сомневаюсь, что с правой рукой проделано то же самое, – добавил Колыванов.

– Скрывает личность жертвы?

– Значит, опознав жертву, мы сможем подобраться к убийце.

– Значит, не подберёмся. Во всяком случае – не сразу. – Феликс оглядел внутренности багажника и удивлённо протянул: – Видеокамеры? Он снимал фильм?

Камер было две – небольшие, но высококачественные GoPro. Одна закреплена на крышке багажника, вторую убийца установил около трупа и направил под небольшим углом вверх.

– Первая снимала растерянных полицейских?

– Видимо, да.

– А вторая? Зачем ему снимать небо?

– Забыл рассказать: кроме трупа, в багажнике находились летучие мыши.

– Что?! – удивился Вербин. – Какие мыши?

– Летучие, – повторил Гена. – Не в самом багажнике, конечно, а в этой коробочке.

И Колыванов указал на деревянный ящик с откинутой крышкой. Ящик стоял на дне багажника и был с трёх сторон прижат телом жертвы.

– Летучие мыши? – переспросил не до конца поверивший Феликс.

– Точное количество неизвестно, но сидело их там много, наши сказали – не меньше пары десятков. Крышка ящика соединяется с крышкой багажника, и когда патрульные её открыли – мышки вырвались на свободу. Получилось эффектное видео, которое сняла вторая камера.

И они вновь на неё посмотрели.

– Хочешь сказать, что в багажнике сидело несколько десятков живых летучих мышей, а водила их не услышал?

Вербин задал вопрос, но не был уверен, что летучие мыши достаточно шумные, чтобы на их писк или визг можно было обратить внимание. К тому же он что-то слышал об ультразвуке, который каким-то образом связан с ночными тварями, и о том, что эти частоты человеческое ухо не различает. Но вопрос задал и получил ответ, который подтверждал предусмотрительность убийцы:

– Багажник проложен шумоизоляционной тканью, которая заглушила звуки. Если они были, конечно. – Кольванов, так же, как и Феликс, имел не очень твёрдое представление о производимых летучими мышами звуках. – К тому же кто будет обращать внимание на поскрипывающий каршеринг? Не своя ведь машина.

– Согласен.

На чужой автомобиль всем плевать, главное, чтобы довёз до нужного места, а там пусть хоть на части рассыплется. Но этого преступнику показалось недостаточно, и он подстраховался шумоизоляционной тканью, но проложил её аккуратно, так, чтобы она не мешала видеокамере.

– Вряд ли убийца снимал видео для развлечения. Он сделает видеоролик. – Вербин резко обернулся и посмотрел вдоль проспекта. – И ещё я думаю, что убийца снимал обнаружение трупа. Тем более что он сам позвонил в дежурную часть и рассказал о «заряженной» машине.

– Наглец, – оценил Кольванов.

– Или игрок.

– Если он выложит ролик в Сеть, мы его быстро возьмём.

– Если он такой предусмотрительный, каким кажется, и заранее решил выложить видео, то наверняка позаботился о том, чтобы сделать это аккуратно, не оставив следов.

– Все ошибаются. – И Кольванов огляделся, повторив жест Вербина. Гена понимал, что даже если преступник снимал обнаружение тела со стороны, он давно уехал, но всё равно огляделся. Машинально. Как будто и впрямь надеялся увидеть в каком-нибудь автомобиле человека с видеокамерой.

– Кто ехал в машине? – спросил Вербин и краем глаза заметил, что Шиповник отошёл от собеседников и с кем-то говорит по телефону. Точнее, молчит по телефону, то есть выслушивает распоряжения.

– Мальчишка, – рассказал Гена. – Мы его, конечно, проверим, но парень явно не при делах, простой пользователь каршеринга, который выбрал не тот автомобиль. Он в обморок грохнулся, когда услышал, что в багажнике труп. Взял и грохнулся, хотя тела не видел.

– Это не показатель, – заметил Вербин. – Обморок можно симулировать.

– Звонок убийцы показатель.

Сообщение в экстренную службу о том, что в багажник арендованного автомобиля положили труп, было принято и передано ближайшей патрульной машине. И звонил совершенно точно не сидевший за рулём BMW мальчишка.

– С этим согласен, – пробормотал Феликс. И поздоровался с проходящим мимо экспертом: – Иван Васильевич! Очень рад видеть.

– Так и знал, что встречу тебя, – усмехнулся тот, пожимая Вербину руку.

– Я не сам, меня позвали.

– Понимаю. – Эксперт прищурился: – Что?

– Заберёте тело к себе? – спросил, а точнее – попросил Феликс. – Во Второй?

– Хочешь, чтобы я поработал?

– Очень.

Иван Васильевич помолчал, кивнул и, не прощаясь, направился к машине, с которой уже начали работу его коллеги и следователь, полицейские отошли, собираясь продолжить разговор в стороне, но не получилось – их позвал освободившийся начальник:

– Вербин! Колыванов! – Судя по тону, телефонный звонок настроения подполковнику не улучшил.

Услышав призыв Шиповника, оперативники одновременно развернулись, но с места не сдвинулись, поскольку подполковник решил подойти сам.

– Нашли убийцу?

– В процессе, Егор Петрович! – браво отрапортовал Феликс.

– То есть бездельничаете?

– Так точно!

Шиповник остановился в шаге от оперативников, кивнул, показав, что услышал ответ, убрал телефон в карман, замер, принохиваясь, и посмотрел на Вербина:

– Почему не сказал, что бухал?

Нюх на беспорядок у подполковника был адский.

– Я честно сказал, что только начал.

– Много успел?

– Одну дозу.

– Обязан был отказаться от выезда.

– Виноват.

– Как ты сюда добрался?

– На такси.

– Оплачивать не буду.

– Есть. – Учитывая обстоятельства, Вербин ещё легко отделался, поскольку Шиповник зорко следил за тем, чтобы сотрудники являлись на службу с ясной головой. А поблажку сделал по двум причинам: во-первых, вызов поступил неожиданно, во-вторых, подполковник хотел, чтобы этим делом занялся именно Вербин.

– Для ясности: есть очень весомое подозрение, что дело будет непростым и, возможно, громким. – Видеокамеры навели руководство на ту же мысль, что и оперативников. – Тут, похоже, серийный, причём парень явно хочет не только крови, но и славы и будет будоражить общественность, изо всех сил привлекая к себе внимание.

Ну, да, шум никто не любит, особенно шум, замешанный на крови и демонстрирующий, что власти не способны быстро найти и покарать преступника. Если убийца сумеет грамотно провести «пиар-акцию» и привлечь к себе внимание, начальство в высоких креслах начнёт ёрзать, а их ёрзанье способно стереть в порошок любую карьеру. Начальство поменьше об этом знало и уже проклинали наглое «серийника». А вот полицейские, которым, собственно, и предстояло работать над поимкой убийцы, оставались спокойны.

– Пока работаем в обычном режиме, но следить за нами будут зорко.

Оперативники молча кивнули.

– Местные уже выяснили, где парень сел в машину, так что бегом туда и осмотритесь. И одновременно прозвоните каршеринговую фирму: информация нужна как можно скорее. – Шиповник помолчал, после чего посмотрел на Вербина: – А ты съешь чего-нибудь, чтобы не пахло.

– И съем, и покурю, – пообещал Феликс.

Шиповник покачал головой, но больше ничего говорить не стал – зазвонил телефон. А оперативники направились к машине Колыванова.

– Ты чего загрустил? Из-за Егора?

– Не загрустил, а задумался, – ответил Вербин.

– О том, что увидел?

- Ага.
- В начале такой игры всегда стрёмно.
- Справимся, – буркнул Феликс, усаживаясь на пассажирское сиденье.
- Не сомневаюсь.

На самом деле Вербин действительно загрустил, однако ни выволочка от Шиповника, ни ощущение, что они начали охоту за умным и очень опасным зверем, не были тому причиной. Дело было в том, что Феликс вспомнил разговор с Прохором.

«Крови не будет! Кровь уже пролилась, крови больше не будет».

Разговор произвёл сильное впечатление, потом, разумеется, потускнел, но, направляясь к машине, Вербин неожиданно понял, что не увидел следов крови ни в багажнике, ни под полиэтиленом.

«Крови не будет!»

Почему Прохор так сказал? Он что-то знает? Конечно же, нет. Откуда ему знать? Или он видел преступление? Тоже вряд ли – в таких делах свидетелей не оставляют. Видел, но сумел остаться незамеченным? Можно в это поверить? При желании – можно, однако... Однако не верилось в то, что юродивый ухитрился стать свидетелем преступления. Не верилось, и потому прагматичный Вербин признался себе, что с куда большей вероятностью юродивый Прохор... Чувствует? Слово само пришло в голову, и прогонять его не верящий в приметы Феликс не спешил. Но и соглашаться с тем, что юродивый Прохор каким-то образом почувствовал совершённое преступление, не спешил: в отличие от Криденс Вербин верил только фактам, оставляя «непознанное» «жёлтой прессе» и её потребителям. Он жалел Прохора, как и любого другого несчастного, но был далёк от мысли искать в его речах предсказания.

Но слово прозвучало:

«Крови не будет!»

И крови не было.

– Приехали.

Голос Кольванова выдернул Феликса из задумчивости и заставил собраться с мыслями.

– Точно здесь?

– Ментов не видишь?

Оперативники из окружного управления явились первыми, осматривались, но к «городским» не подходили. Не потому что «городские», а из вежливости – чтобы не мешать коллегам составить собственное мнение.

– Да, вижу, – рассмеялся Вербин.

– А ты всё-таки грустный.

– Задумчивый.

– Ладно, пусть так. – Они вышли из машины, постояли с полминуты, молча изучая место, где Артур арендовал BMW, после чего Кольванов спросил: – Тоже заметил?

– Нет видеокамер.

Ни муниципальных, ни частных: ни одного магазина или офиса поблизости, ни одного банкомата. Ничего. За этой зоной московские наблюдатели не присматривали.

– Думаешь, убийца об этом знал?

– Не исключаю, – протянул Феликс. – Трудно поверить, что ему повезло.

– Значит, убийца здесь бывал.

– Ещё одно подтверждение того, что он тщательно готовился.

– Но убийца не мог «зарядить» здесь автомобиль.

Камеры вокруг отсутствовали, однако машина стояла у тротуара, а поскольку неподалёку находится станция метро, тротуар наверняка оживлённый, да и жилой дом рядом, а в окна нет-нет, да выглянет кто-нибудь. Невозможно поверить, что именно здесь убийца перетаскивал

труп из своего автомобиля в BMW, предварительно проложив багажник тканью и установив камеры.

– Тело, видеокamеры, шумоизоляция, мыши... – вслух прикинул Вербин, продолжая мысль напарника. – Ему нужно было минут двадцать, не меньше.

– Ему нужно было двадцать спокойных минут, – уточнил Колыванов.

– Ангар или гараж?

– Скорее, ангар – там должно было поместиться два автомобиля.

– Или он сначала «зарядил» гараж, а затем приехал в него на каршеринге.

– Или он там же совершил убийство.

– А вот это вряд ли, – покачал головой Вербин.

– Почему?

– Судя по тому, что лежит в багажнике, после убийства он долго работал над телом: пальцы отрезал, в полиэтилен заворачивал... и упаковано тело не впопыхах, а аккуратно. Ему требовалось много времени, а значит, у него есть логово, которым он дорожит и ни в коем случае не поедет в него на каршеринге. А гараж или ангар, где он «зарядил» BMW, мы уже сегодня найдём.

– Согласен, – подумав, ответил Колыванов. – Убил в другом месте, возможно, в том самом логове, о котором ты сказал. Погрузил в свою тачку, приехал в гараж или ангар, уехал, вернулся на каршеринге и «зарядил» его.

– Двадцать минут максимум.

– Двадцать минут, – повторил Колыванов. – Потом приехал сюда и оставил тачку.

– Здесь его ждала другая машина. – Феликс почесал кончик носа. – Или он опять арендовал каршеринг.

– Или ушёл пешком.

– Узнаем, когда выложит видео. Если будут кадры с места обнаружения, значит, была вторая машина и убийца ехал за BMW.

– И мы сможем проследить его дальнейший путь.

– Он об этом знает.

– Все делают ошибки.

– Будем надеяться. – Вербин помолчал, после чего медленно произнёс: – Знаешь, Гена, у этого парня стальные нервы. Если мы с тобой всё правильно рассчитали, а я думаю, мы не ошиблись, то он не только всё спланировал, но и в точности выполнил: убил, привёз в укромное место, съездил за каршерингом, «зарядил» его, а потом ещё и ехал следом. Такому хладнокровию можно только позавидовать.

– Насколько хорошо убийца всё исполнил, мы узнаем после того, как закончат работать эксперты, – рассудительно ответил Колыванов. – А что касается нервов... У человека, который отрезает трупы – я надеюсь, что трупы, – пальцы, нервов нет. Я, например, до сих пор вздрагиваю, когда вижу мёртвых. Не потому что мне страшно или неприятно. Просто... Был человек – и умер, причём не своей смертью. Это неправильно. Я вздрагиваю, потому что это неправильно. А тот, кто хладнокровно убил и превратил смерть в аттракцион... Он больной.

– Но с виду, к сожалению, здоровый.

– И это самое плохое, – угрюмо согласился Колыванов. – Здесь всё ясно, а что нам не ясно – местные разнюхают. Поехали в каршеринг.

– Поехали, – согласился Вербин, набирая номер Криденс.

Поговорил, пообещав вернуться как можно скорее и попросив не ждать, а когда убрал телефон, услышал неожиданный, но давно назревавший от напарника вопрос:

– Жениться не собираешься?

И ответил честно:

– Думаю.

- Надоело возвращаться в пустой дом?
- Понравилось возвращаться в настоящий дом, – улыбнулся Феликс, видя перед собой Кри. – В дом, где меня ждут.

в прошлом году

Чувство настоящего дома.

Неповторимое ощущение самого настоящего дома. Главного в жизни.

– Я вас помню, – тихо произнесла Ада, держа фарфоровую чашку и блюдце на уровне глаз. – Я вас помню, дорогие мои, и очень вас люблю.

И улыбнулась. Улыбнулась грустно, но без тоски, потому что время тоски закончилось – осталась только лёгкая грусть.

– Я вас помню, – повторила молодая женщина и сделала маленький глоток горячего травяного чая.

Вернула чашку на стол и закуталась в плед. Октябрь в этом году выдался необычайно тёплым, но сидеть на открытой террасе без пледа Ада не рискнула. Закуталась плотнее и подвинула блюдце с чашкой ближе к краю стола.

И вновь им улыбнулась.

Мама всегда хотела, чтобы в их доме был фамильный сервиз. Фарфоровый. Настоящий чайный сервиз на шесть персон. Лучше, конечно, на двенадцать, но можно и на шесть. Сделанный только для них и обязательно – с гербом. Или с вензелем. Папа посмеивался, говорил: «Ну, что ты, мы ведь не графы, даже не бароны. Да и фамилия не самая дворянская – Кожины. Зачем?» Но мама очень хотела, и на пятнадцатую годовщину свадьбы папа сделал ей желанный подарок. Сервиз действительно получился красивым: папа выбрал фарфор приятного кремового оттенка, на котором восхитительно смотрелся изящный, выполненный серебром вензель. Не герб, тут папа проявил твёрдость, но вензель, в центре которого красовалась буква «К». Мама была счастлива и радовалась подарку, как ребёнок. Ада – тоже. Сначала. А потом она услышала... случайно... и не в тот, конечно, день, а много позже, спустя год, а то и два... услышала обрывок разговора. Родители завели речь о сервизе – случайно, – и папа ответил, что поскольку у них растёт дочка, то через некоторое время фамильный сервиз потеряет своё значение.

«Если только фамилия её мужа не будет начинаться на “К”».

«Ада не станет выбирать мужа по первой букве фамилии», – рассмеялась в ответ мама.

«Я знаю», – сказал папа, и на этом разговор окончился.

И отношения Ады с сервизом тоже закончились. Она больше им не восхищалась, не замирала, любясь и ощущая себя графиней или на худой конец баронессой, он стал для неё просто «ещё одним набором предметов» из посудного шкафа. А после того как родители погибли в автокатастрофе, Ада увезла сервиз из их большой квартиры на дальнюю дачу – в «Сухари». Но не выбросила, даже подумать не могла выбросить. Увезла из квартиры, чтобы часто не попадался на глаза, но здесь чай пила только из него. Потому что здесь, на даче, она по-прежнему оставалась той самой Адой Кожиной. И навсегда останется.

Потому что не могла представить мужчину, который сумеет уговорить её сменить фамилию.

Она поднесла чашку к губам, сделала глоток и поняла, что, задумавшись, потеряла счёт времени: прошло не менее пятнадцати, а то и двадцати минут, поскольку чай из обжигающе-горячего превратился в ледяной, а вечерняя тьма окончательно захватила власть над миром: ельник потемнел, мрачной массой нависнув над участком Ады и резко выделяясь на фоне неба, освещённого ещё не поднявшейся полной луной. А настенные светильники, которые она включила, выйдя на террасу – просто так, чтобы «потом не вставать», – изо всех сил боролись с подступившей тьмой, с трудом удерживая за собой террасу.

Их свет таранит мрак, но не может ничего поделать с окутавшей посёлок тишиной.

С тишиной, пришедшей из самого сердца урюмого ельника.

Участок Ады располагался на краю посёлка, и его дальняя сторона примыкала к общему забору, в котором папа прорезал калитку. Сплошной кирпичный забор был высоким – трёхметровым, а калитка – маленькой, с красивой резной ручкой. Вокруг неё густо росла сирень, и в детстве калитка казалась Аде дверью в волшебную страну. Ощущение усиливали высокие ели, плотной стеной подступающие к забору с той стороны. Теоретически их нужно было проредить, но сначала не подумали, а потом стало поздно – участки облагородили, и как безопасно валить на них вековые ели, никто не понимал – поэтому теперь северная и восточная стороны посёлка вгрызались в нетронутую чащу.

В царство леших и ведьм...

В волшебную страну, которую Ада сначала побаивалась, потом привыкла и не испытывала никакого беспокойства, слушая тишину, идущую из мрачного ельника. Наоборот – с наслаждением погружалась в неё, отдыхая от городского шума. Но при этом никогда не растворялась в ней полностью, всегда оставалась настороже, потому что знала точно, что тишина способна обмануть, а ведьма ближе, чем кажется.

Всё тёмное ближе, чем кажется...

И не всегда от него можно спастись. Не всегда тебе могут помочь спастись.

Ада взяла чашку двумя пальцами, подняла, но вспомнила, что чай остыл, вздохнула и вернула на блюдце.

«Интересно, Руслик пил здесь чай? Сидя, как я сейчас, на террасе и разглядывая тёмный лес? На террасе он, конечно же, сидел, но вряд ли пил чай...»

Вспомнив, сколько пустых бутылок из-под коньяка и водки ей пришлось вывезти из дома, Ада грустно улыбнулась. И бросила взгляд на соседний дом. Затем поднялась, медленно направилась к двери, но прежде, чем войти внутрь, не удержалась и провела рукой по раме большого, во всю стену, окна.

Дом...

Он вызывал у молодой женщины абсолютно противоположные чувства: непреодолимое влечение и яростное отторжение. Хотелось от него избавиться, но она последовательно отвергла три необычайно выгодных предложения о покупке. Хотела никогда в него не возвращаться, но обязательно появлялась в октябре и непредсказуемо – в течение года. Могла месяцами о нём не вспоминать, а затем неожиданно сорваться и примчаться в «Сухари» на неделю, а то и две. И просто быть здесь.

Или приехать на выходные...

Потому и не продавала: в деньгах Ада не нуждалась, зато прекрасно знала, что когда её в очередной раз «дёрнет», она придет в «Сухари», вбежит в дом, если дверь будет заперта – влезет в окно, – и останется внутри столько, сколько будет нужно, не обращая внимания на живущих в нём людей. Примчится, чтобы успокоиться, чтобы наполниться домом, наестся им так, чтобы захотелось бежать прочь. Из дома, в котором всё настолько знакомо и любимо, что кажется чужим, в котором пахнет так, как нигде больше. В котором сами собой появлялись воспоминания, которые Ада ненавидела. Без которых она не была собой. Из дома, в котором ей хотелось счастливо улыбаться и кричать от безысходности. В какие-то мгновения – отчаянно громко, зажимая уши руками, рыдая навзрыд, кричать, вкладывая в крик всю себя.

И Ада закричала – отчаянно громко, сквозь слёзы, вкладывая в крик всю себя.

И проснулась. И сразу посмотрела на часы.

02:45.

И только затем поняла, что проснулась от собственного крика.

Но откуда взялся крик, не поняла – плохой сон ушёл, память о нём глубоко нырнула в ночную тьму и утащила с собой неприятные ощущения. Ада сладко потянулась, намереваясь продолжить спать. И неожиданно подумала, что только здесь, в старом доме из детства, просыпаясь ночью, она сразу понимала, где находится: и в родительской квартире, и в нынешней,

и в особняке на Рублёвке у Ады случались мгновения замешательства, и требовалось время, чтобы осознать себя. Здесь – никогда. Возможно, потому, что только этот дом, в который её тянуло и из которого хотелось бежать, она воспринимала своим. А остальные – нет. В этом доме она ориентировалась даже в темноте, а в остальных – нет. И ощущение не менялось даже после того, как из своей комнаты Ада перебралась в большую родительскую спальню.

«Как я здесь оказалась?»

Ада посмотрела на тёмный потолок и поняла, что совершенно не помнит, как леглась спать. Последнее отчётливое воспоминание – она выключает светильники, погружая террасу во тьму.

«Что я делала дальше?»

В обычном случае – помыть посуду, подняться к себе, принять быстрый душ, почистить зубы и лечь спать. Судя по надетой пижаме и ощущениям – все пункты выполнены, но ни один из них не отложился в памяти.

«Мои действия настолько однообразны, что мозг не считает нужным их запоминать?»

Ада поднялась с кровати и посмотрела на часы:

02:45.

Накинула халат, улыбнулась отражению в большом трюмо – Ада себе нравилась, – вышла из спальни и спустилась на первый этаж. В темноте. Во-первых, чтобы глаза не привыкли к яркому свету, иначе потом придётся ворочаться в постели не меньше часа. Во-вторых, зачем свет, если знаешь каждую ступеньку? Каждый угол? Кроме того, разошлись дождливые тучи, и набравшая силу Луна яростно лупила в окна, превращая ночь в вечер.

Ада не стала включать свет, но на третьей снизу ступеньке остановилась и замерла, затаив дыхание. Что-то было не так. Ада не могла определить, что именно не так, но была абсолютно уверена в том, что в доме что-то не так. И не могла проигнорировать это чувство.

«Почему я проснулась? Захотела пить? Но раньше я никогда из-за этого не просыпалась. Могла встать с жутко пересохшим ртом, но никогда не просыпалась от жажды. Почему я проснулась?»

Не замёрзла. В туалет не хотелось. Тогда почему?

Отсутствие ответа мешало сделать следующий шаг. Ада продолжила стоять на третьей снизу ступеньке, пристально разглядывая тёмный холл, и наконец заметила, что большая люстра исчезла, а вместо неё на длинном проводе висит... мусорный мешок? чёрный рюкзак? куль, свёрнутый из тёмной обёрточной бумаги? Кто-то убрал люстру, повесив на её место это... в этот момент глаза окончательно привыкли к темноте, и Ада поняла, что видит.

И закричала.

Потому что на длинном проводе мерно покачивался не мешок, не куль, не рюкзак, а мёртвая чёрная собака. Крупная чёрная собака, имя которой Ада будет помнить всю жизнь. Лапы сведены судорогой, пасть оскалена, чёрные глаза смотрят на молодую женщину, которая... которая несколько секунд стояла неподвижно, хватая открытым ртом воздух, а затем закричала. Закричала бешено. Закричала от ужаса и боли.

Закричала так сильно, что проснулась.

И сразу посмотрела на часы.

02:45.

Накинула халат, улыбнулась отражению в большом трюмо – Ада себе нравилась, – вышла из спальни и спустилась на первый этаж. В темноте. Во-первых, чтобы глаза не привыкли к яркому свету, иначе потом придётся ворочаться в постели не меньше часа. Во-вторых, зачем свет, если знаешь каждую ступеньку? Каждый угол? Кроме того, разошлись дождливые тучи, и набравшая силу Луна яростно лупила в окна, превращая ночь в вечер.

Ада не стала включать свет, поэтому двигалась неспешно. Спустилась со второго этажа, прошла на кухню, взяла с сушилки бокал, налила воды из-под крана, сделала глоток и задумалась:

«Почему я проснулась? Захотела пить? Но раньше я никогда из-за этого не просыпалась. Могла встать с жутко пересохшим ртом, но никогда не просыпалась от жажды. Почему я проснулась?»

Не замёрзла. В туалет не хотелось. Тогда почему?

Тучи снова захватили небо и спрятали полную Луну, поменяв её свет на свой дождь. На очень сильный дождь, который даже не шёл, а лил: мягкая крыша глушила шум, скрывая истинную мощь ливня, но когда Ада подошла к большому окну на террасу, до неё долетели звонкие удары по плитке, стульям, столику и чайной чашке из фамильного сервиза, которую она позабыла забрать. Чашка успела до краёв наполниться дождевой водой, и, увидев её, Ада захотела пить. Неистово захотела. До дрожи в пальцах. До спазмов в горле. До животной жадности и готовности драться за каждую каплю вожаделенной влаги.

«Пить!»

Ада прикоснулась к ручке, собираясь распахнуть дверь и скорее добраться до чашки с дождевой водой, как вдруг увидела, что сидящая за столом старуха медленно подняла чашку – двумя пальцами, чопорно отставив мизинец, – и сделала большой глоток.

«Нет!»

У ног старухи сидела большая чёрная собака. Сидела неподвижно, как мёртвая.

«Нет!»

У Ады не было сил кричать – горло поржавело от сухости, а язык до крови царапал нёбо. Старуха повернула голову, презрительно улыбнулась и вылила остатки воды на пол, по которому весело били крупные капли ночного ливня. И засмеялась, глядя молодой женщине в глаза. Засмеялась злым, каркающим смехом, заставив Аду закричать...

И проснуться.

02:45

Трясёт.

Большая спальня её старого дома.

Трясёт.

Накидывать халат не стала – в комнате тепло и сухо, несмотря на приоткрытое окно и пошедший дождь. Несильный. Под шелест которого должно замечательно спать. Посидела немного, вздрагивая всем телом и глядя на своё отражение в большом трюмо, криво улыбнулась и сказала:

– Похоже, без этого не обойтись. – Взяла телефон, набрала номер, а услышав заспанный голос тихо произнесла: – Илья, ты очень-очень нужен.

Без четверти три. Чудесное время, чтобы вернуться в кровать, выкинуть из головы неожиданный звонок и попытаться вернуться в чудесное состояние убаюканности шуршащим за окном дождём. Сладко доспать до положенного часа и лишь тогда вернуться к делам.

Очень хотелось спать.

Домой Илья вернулся уставшим, как собака: днём у него состоялись две серьёзные встречи, которые не получилось развести на разные даты, за ними последовало долгое совещание у вице-президента, а потом Илья поехал в фитнесклуб и слегка перестарался на тренажёрах. В результате едва добрёл до кровати и мгновенно уснул. И сейчас с удовольствием бы повторил последнюю часть программы, но звонок разбудил Галю.

И разбудил, и разозлил.

Жена дождалась, когда Илья закончит разговор, вышла из спальни и холодно поинтересовалась:

– Это была она?

Отрицать не имело смысла.

– Да, – кивнул Бархин, надеясь, что затягивать скандал Галя не станет. Наверняка же тоже хочет спать.

– Чего хотела?

– Помощи.

– У неё муж есть.

– Я знаю.

– Муж о ней не заботится?

– Заботится, – убито произнёс Бархин, хотя не был уверен в точности ответа.

– Тогда почему она звонит тебе? Да ещё среди ночи?

– Ты знаешь почему.

– А ты знаешь, что мне это не нравится.

– А ты знаешь, что Ада и Платон – мои старые друзья, часть моей жизни, и я...

– Я не собираюсь тебя делить. Я хочу получить всё.

– Ты получаешь всё.

– Этот звонок означает, что не всё, – жёстко произнесла Галя. – И если такие звонки будут продолжаться, мне придётся поставить вопрос ребром: или я, или она. Пусть о ней заботится муж. Почему ты готов терпеть подобные выходки, да ещё мчаться к ней на помощь?

Илья помолчал, после чего угрюмо произнёс:

– Она наркоманка.

15 июля, пятница

Вербин не разбирался в архитектуре, ни в современной, ни в классической, тем не менее полученные в школе знания позволяли ему не только щеголять общеизвестными, получившими широкое хождение в народе словами «ампир» и «барокко», но и понимать что они означают, мог отличить готический собор от романского и не путал модерн с конструктивизмом. В повседневной жизни Вербин этими знаниями пользовался редко и, проходя по московским улицам, никогда не шептал: «Посмотрите на этот изумительный образец классицизма!» или: «Какой чудесный особняк в русском стиле!». Однако здания, выстроенные в монументальном «сталинском ампире», подмечал всегда. Изящные и в то же время величественные, они не бросались в глаза, но привлекали внимание подобно человеку в дорогом, пошитом на заказ костюме, стоящему среди завсегдаев магазинов готового платья: вроде тоже брюки, тоже пиджак, но качество и стиль видны невооружённым глазом. В зданиях «сталинского ампира» высокий стиль чувствуется в каждом камне, в каждой линии, и шестиэтажный дом на Петровке не был исключением.

Когда-то здесь располагалось подворье князей Щербатовых, древнего, внесённого в Бархатную книгу рода потомков самого Рюрика. Затем участок выкупили военные и устроили на нём казармы, названные Петровскими, после революции 1917 года казармы передали московской милиции, а в пятидесятых годах XX века здание перестроили, придав современный, известный всем горожанам вид. Вербин бывал в нём почти каждый день, и уж точно – каждый рабочий день, и в отличие от большинства коллег не переставал замечать само здание, любоваться его массивной самодостаточностью. И ещё Вербин иногда ловил себя на мысли, что стены монументального дома наполняют его уверенностью, молча убеждая, что любое дело будет обязательно раскрыто. Пусть даже оно начинается так неприятно, как нынешнее.

– Он наркоман? – громко предположил следователь Анзоров, полный брюнет с большой родинкой на левой щеке, заявившийся на Петровку в форме сотрудника СК³.

– Почему вы так решили? – дипломатично осведомился Шиповник.

– А как ещё можно это объяснить? – Следователь кивнул на монитор, на котором застыли последние кадры видеоролика. – Или наркоман, или сумасшедший.

Отдельного кабинета у Шиповника не было, подполковник делил большую комнату с Вербиным, Колывановым и Зарубиным, который сейчас наслаждался заслуженным отдыхом у тёплого моря. А с гостем полицейские встретились в комнате для совещаний, удобной и для разговора, и для предоставления информации: здесь были и проектор, и большой монитор, и доска... другими словами, всё необходимое и даже чуть больше. И разумеется, намного удобнее, чем в их кабинете.

– Для сумасшедшего он слишком умный, – негромко заметил Вербин.

Негромко, но Анзоров услышал, повернулся к подавшему голос оперативнику и почти нравоучительно сообщил:

– Страна у нас такая: даже среди сумасшедших дураков нет.

Судя по выражению лица, следователь ждал, что над шуткой посмеются. Вместо этого Вербин поинтересовался:

– А где они?

– Кто? – не понял Анзоров.

– Дураки.

– В других местах.

– На дорогах, – буркнул Колыванов.

³ СК – Следственный комитет РФ.

Следователь поджал губы, но промолчал, поскольку формально придаться было не к чему. Зато укоризненно посмотрел на Шиповника, словно говоря: «Так вы встречаете гостей? Нехорошо...» Подполковник намёк понял и призвал оперов к порядку:

– Есть что сказать по существу?

– Не наркоман и не сумасшедший, – быстро ответил Вербин. – То есть с головой у него не всё в порядке, раз он такое устроил, но внешне это абсолютно здоровый и очень умный человек.

– Скоро пришлют психологический портрет – я попросил ускорить его, и мы будем иметь более полное представление о том, кого ищем, – произнёс следователь, не глядя на Феликса.

На этот раз Вербин промолчал. И сказал себе, что мог бы и в прошлый раз не выпендриваться – повод отсутствовал.

Анзоров был назначенным на расследование «важняком», формально – руководителем группы и имел полное право не приезжать на Петровку, а вызвать оперов к себе. Но приехал и даже не опоздал, не заставил себя ждать, что некоторые его коллеги практиковали, ну а что шутка получилась дурацкой, так тут ничего не поделаешь – не всем дано умение смешить людей.

– Психологический портрет, составленный на основе преступления и видео, будет к концу дня.

– Так быстро? – вежливо удивился Кольванов.

– Привыкайте, – отрывисто ответил Анзоров. – Уверен, вы слышали, что расследование взял под личный контроль наш руководитель. А это, в свою очередь, означает, что преступника мы должны задержать как можно быстрее, для чего будут созданы все условия. Полный, так сказать, приоритет.

– All inclusive, только на работе.

– Именно.

И благодарить за это следовало убийцу, точнее, его гордыню. Или его хитрый план. Другими словами, неважно, для чего появилось дерзкое, жёсткое и весьма откровенное видео, – внимание к преступлению оно привлекло повышенное, и именно с его просмотра началось сегодняшнее совещание.

Ролик появился повсюду, его выложили многие известные блогеры и телеграм-каналы и бессчётное количество обычных пользователей. Через полчаса о нём заговорили на крупнейших новостных сайтах, и Сеть загудела. Сообщения о вчерашнем убийстве прошли «обычным порядком», то есть оно осталось незамеченным широкой публикой: прессслужба городского управления, не вдаваясь в подробности, сообщила об обнаружении «тела с признаками насильственной смерти». Пара журналистов проявила интерес и получила ответ, что «найден труп молодой женщины, проводится расследование», чем и удовлетворились. Однако убийца не оставил полицейским шанса на спокойную жизнь, а откровенные кадры, талантливый монтаж и жёсткий текст заставили Москву вздрогнуть. А после недвусмысленного обещания продолжить убийства у жителей появились вопросы к властям. Люди забеспокоились и захотели, чтобы власть продемонстрировала умение решать проблемы, и власть взялась за дело.

– Мой телефон у вас есть – звоните по любому вопросу: ускорить проведение экспертизы, получить ордер – что угодно. В любое время, даже ночью – я буду доступен круглосуточно.

– И судью ночью поднимете?

– И судью ночью подниму, – подтвердил Анзоров. – Договорённости есть. Ещё вопросы?

Кольванов кивнул, показывая, что вполне удовлетворён, и перевёл взгляд на Вербина. Феликс промолчал.

– Вот и хорошо. – Анзоров потёр висок пальцами левой руки. – Теперь давайте сосредоточимся на Кровососе.

Он демонстративно использовал придуманную в Сети кличку, дав понять, что теперь убийцу следует называть так, и передал ведение совещания Шиповнику. Что было и логично, и ожидаемо, поскольку именно полицейским предстояло вести оперативную работу.

– Я собирался начать с анализа видео, но он ещё не готов, – громко произнёс Шиповник, и его уверенный голос заставил подчинённых подтянуться. – Поэтому начнём с автомобиля. – И посмотрел на пятого участника совещания – капитана Барабанова, представляющего группу окружного управления, работающую по делу. – У вас есть что рассказать?

– Так точно.

– Мы вас слушаем.

На эту работу ребята из округа потратили всю ночь: просмотрели муниципальные видеокамеры, отследили путь «заряженной» машины, и теперь Барабанов готовился подробно рассказать, что было выяснено. Он вывел на экран проектора карту и, за неимением указки, которая куда-то подевалась, взял в руки авторучку.

– BMW третьей модели, взята в аренду в двадцать сорок три на Люблинской улице.

– На чей аккаунт? – тут же спросил Анзоров.

– На фейковый, – ответил за Барабанова Вербин.

– Уже проверили?

– Ночью.

– Уговорили каршеринговую фирму помочь?

– Нас учили быть убедительными.

– Молодцы, – одобрил следователь. И вернулся к Барабанову: – Продолжайте.

– Когда автомобиль брали в аренду, он находился вне зоны действия видеокамер, поэтому мы не можем с уверенностью сказать, кто им управлял. Сейчас продолжается изучение пешеходов – пытаемся вычислить, кто мог сесть в BMW, и в том числе просматриваем камеры коммерческих фирм, но когда будет результат и будет ли он, сказать затрудняюсь.

Пешеходы – не машины, их проследить сложнее. Выборку подозреваемых оперативники составят, но сколько на это понадобится времени? И сколько уйдёт на проверку? Непредсказуемо.

– Я предлагаю считать, что машину взял Кровосос и все последующие действия совершал он же.

– Принимается, – согласился Шиповник.

Анзоров промолчал. Барабанов расценил его молчание как знак согласия и после короткой паузы продолжил:

– Арендовав машину, Кровосос направился на улицу Верхние Поля, где остановился на девятнадцать минут. Двигатель выключил, но в режим ожидания машину не переводил – она была нужна ему открытой.

– То есть мы знаем место, где Кровосос «зарядил» каршеринг? – уточнил Анзоров.

– Так точно.

– Нужно его немедленно отработать.

– Наши сотрудники уже там.

– А ваши? – Следователь посмотрел на подполковника.

– Поедут после совещания, – пообещал Шиповник.

Вербин и Кольванов переглянулись.

Барабанов же вернулся к докладу.

– После остановки Кровосос не стал возвращаться на Люблинскую улицу, а по Краснодонской и Волжскому бульвару доехал до Волгоградского проспекта и оставил BMW неподалёку от станции метро «Кузьминки». С утра наши сотрудники ещё раз осмотрели территорию, но, к сожалению, лишь подтвердили вчерашний вывод: видеокамер вокруг мало и по тем запи-

сям, которыми мы располагаем, идентифицировать преступника не представляется возможным.

– Найдём и без видеокамер, – пообещал следователь, чем вновь заставил петровских оперов переглянуться – они знали, кто будет искать. – Итак, Кровосос вышел из «заряженной» BMW... и куда делся?

– Пересел в другую машину, – доложил Вербин прежде, чем Барабанов успел пожать плечами. – Разрешите продолжить доклад?

– Конечно.

Феликс подошёл к карте.

– Завершив аренду, Кровосос тут же взял находившийся неподалёку «Hyundai Solaris», принадлежащий той же каршеринговой компании. Причём арендовал «Hyundai» на тот же самый фейковый аккаунт.

– Смелый шаг, – оценил Анзоров.

– Нет, – не согласился Феликс. – Кровосос располагал большим запасом времени и мог себе позволить использовать тот же аккаунт. – Ответа Вербин не ждал. – Кровосос завёл двигатель, но с места не трогался до тех пор, пока не поехала BMW.

– То есть BMW находилась в прямой видимости преступника?

– Совершенно верно, – подтвердил Вербин. – А через две минуты после начала движения в дежурную часть поступило сообщение о труп в багажнике BMW.

– Кровосос не собирался долго кататься, – сделал вывод Анзоров.

– Мы сравнили пути следования BMW и «Hyundai», – взял слово Кольванов. – Кровосос аккуратно держался позади, а когда патрульные блокировали BMW – остановился примерно в сотне метров позади и, видимо, начал съёмку. Часть кадров он использовал в выложенном в Сеть видео.

– Жаль, что на него не обратили внимания, – вздохнул Анзоров.

– Никто не мог предположить, что убийца поведёт себя с такой наглостью.

– Кроме того, сотрудники очень серьёзно отнеслись к сообщению о труп и предполагали, что убийца находится в BMW, – защитил патрульных Барабанов.

– Кстати о сообщении, – неожиданно произнёс Анзоров. – У вас есть его запись?

– Конечно.

– Давайте прослушаем.

Спорить Шиповник не стал: открыл ноутбук и запустил файл.

«Представьте, пожалуйста».

«Я видел, как мужчина грузил в багажник машины труп! Самый настоящий труп! Он вынес его через чёрный ход, но я видел».

«Назовите себя».

«Это здесь, недалеко от метро «Кузьминки»... Он засунул труп в багажник каршеринга! BMW 229... едет по Волгоградскому проспекту в сторону области... у вас есть патрульные? Я видел труп!»

– Достаточно, – сказал Анзоров. Дождался, когда Шиповник выключит звук и продолжил: – Я только сейчас сообразил, что голос изменён так же, как на видео.

– Позвонив в дежурную часть, Кровосос включил заготовленную запись.

– Предусмотрительный.

– Я могу продолжать? – осведомился Кольванов.

– Да, конечно, – кивнул Шиповник.

– Сняв, как наши сотрудники открыли багажник, Кровосос вернулся на Верхние Поля, оставил «Hyundai» и, по всей видимости, пересел в свой автомобиль.

– «Hyundai» успели арендовать? – быстро спросил следователь.

– К счастью, нет. Машина уже у нас, с ней плотно работают эксперты.

– BMW он «зарядил» там же? На Верхних Полях?

– Мы считаем, что да.

– А что там? Ангар? Гараж?

– Там просто довольно дикое место, – поморщился Вербин. – Съезд с дороги на грунтовку и разломанный забор. В здравом уме никто туда не сунется, поэтому убийца чувствовал себя уверенно.

– И никаких видеокамер поблизости? – догадался Анзоров.

– Ни одной, – подтвердил Феликс.

– То есть мы можем лишь догадываться на какой машине Кровосос уехал с Верхних Полей?

– Попробуем вычислить, – пообещал Барабанов. – Времени это займёт много, но шанс есть.

– На этой машине Кровосос привёз тело, она для него удобна, и, скорее всего, на ней же он поедет в следующий раз.

«Поедет в следующий раз...»

Простое и логичное замечание вызвало довольно долгую паузу, во время которой каждый сполна оценил, что означает «в следующий раз», и почувствовал желание до «следующего раза» не доводить. Но одного желания мало, а зацепиться детективам было не за что.

– Каковы предварительные выводы?

– С точки зрения логистики преступление подготовлено прекрасно, – тут же ответил Вербин. – Действовал Кровосос продуманно, хладнокровно и пока, как мне кажется, не допустил ни одной ошибки.

– То, что он пошёл на преступление, – уже ошибка, – заметил Анзоров. – Но ещё большей ошибкой стал ролик в Сети. Теперь мы не успокоимся, пока его не возьмём.

Замечание следователя оперативники оставили без комментариев. Приняли к сведению и сосредоточили взгляды на Шиповнике, который и подвёл первый итог:

– Главная задача по этому направлению – вычислить машину, на которой Кровосос уехал с Верхних Полей. Барабанов, это ваша цель.

– Принято.

– И плотная оперативная работа по Верхним Полям: обойти район и попробовать найти свидетелей. Возможно, кто-то видел машину Кровососа, пока он катался в каршеринге. В общем, ищите. – Подполковник помолчал. – Что по самим машинам? Отчёты уже сделали?

– Неутешительные, – не стал скрывать Вербин. – Эксперты собрали генетические материалы, но у меня есть ощущение, что образцов Кровососа среди них нет.

– Не будем забегать вперёд.

– Я просто высказал предположение.

– Больше оптимизма, опер.

– Я постараюсь. – Вербин выдержал паузу. – Вторую машину – «Hyundai» – Кровосос использовал для одной поездки. А вот BMW подготовил очень аккуратно и грамотно. Как вы помните, багажник был проложен шумоизоляционной тканью, а внутри стоял ящик с летучими мышами. Замок ящика соединялся с крышкой багажника: поднявшись, она открыла ящик, и потревоженные мыши вылетели на свободу.

– То есть преступник обладает какими-то специальными навыками? – прищурился Анзоров.

– Нет, достаточно ума и чтобы руки росли не из ж... – Вербин сбился, помолчал и закончил: – В общем, чтобы руки росли не из задницы. Извините. Ничего такого, что требовало бы специальных знаний, Кровосос при подготовке BMW не продемонстрировал.

– А видеокамеры?

– Видеокамеры дорогие, очень хорошего качества, – рассказал Феликс и, не удержавшись, добавил: – Как они снимают, можно оценить по видеоролику.

Шиповник фыркнул, но промолчал.

– Информацию с них Кровосос принял по Сети на свой телефон.

– И куда отправил?

– Никуда. Скорее всего, скачал на флешку.

– То есть Кровосос хорошо разбирается в цифровых системах?

– Провести все эти операции мог любой человек.

– С руками не из задницы, я помню, – пробурчал Анзоров.

– И с головой на месте.

– Мы можем отследить покупку видеокамер?

– Если он заказал их по Сети из-за границы, то очень и очень маловероятно.

– Называй вещи своими именами: нет, не сможем, – уточнил Шиповник.

– А если Кровосос купил видеокамеры здесь? – продолжил расспросы Анзоров.

– Вероятность, конечно, есть, проверкой займутся ребята Барабанова.

Барабанов молча кивнул.

– О том, что ни на ящике, ни на видеокамерах нет отпечатков пальцев, думаю, вы догадались. – Вербин помолчал, давая возможность задать вопрос тем, кто не догадался, не дождался и продолжил: – Кровосос очень внимателен и аккуратен до педантичности. Он оплатил «Hyundai», а не бросил его в режиме ожидания. Честно перевёл деньги, хотя знал, что мы его скоро найдём.

– Честно? – удивился следователь.

– А разве нет? – удивился в ответ Феликс.

– Ну, допустим, – махнул рукой Анзоров, хотя было видно, что называть убийцу «честным» он бы ни за что не стал.

– Итак, Кровосос – педант, – вернул себе слово Шиповник. – Что нам это даёт?

– Пока не знаю, но чем больше мы будем знать о преступнике – тем лучше.

– Чем быстрее мы его задержим – тем лучше, – громко произнёс следователь. – Все остальные рассуждения – в пользу бедных.

– С этим утверждением не поспоришь, – дипломатично ответил подполковник. И вновь посмотрел на оперов: – Чего ещё успели?

– Проработали телефон, – ответил Барабанов.

– «Пустышка»?

– Телефон и SIM-карта, которыми пользовался Кровосос для аренды каршеринга и звонка в дежурную часть, были куплены в обход официальных продавцов, баланс пополнен с карточки, которая уже не функционирует. Телефон включился на Люблинской улице в двадцать девятнадцать. Никаких звонков и сообщений через мессенджеры, кроме звонка в полицию, с него не зафиксировано. Никаких других телефонов, которые бы повторяли маршрут этого, не зафиксировано, то есть свою трубу Кровосос оставил дома или в машине, и включил его, отъехав на достаточное расстояние от Верхних Полей.

– Когда Кровосос пользовался телефоном в прошлый раз? – спросил Шиповник.

– Судя по всему – никогда.

– В смысле?

– Телефон впервые появился в Сети, но на нём уже были установлены все приложения.

– То есть Кровосос купил взломанный и готовый к работе телефон?

– Да. Причём взломанный профессионалом высокого класса.

– DarkNet?

– Скорее всего.

– Нужно будет проработать эту ниточку.

- Обязательно.
- Куда Кровосос дел телефон?
- Выключил и, если не дурак, уничтожил.
- Он не дурак.
- Значит, уничтожил и больше мы этот телефон в Сети не увидим.
- То есть зацепиться не за что? – уточнил Анзоров.
- Не за что. – Шиповник побарабанил пальцами по столешнице и спросил: – Что мы только что узнали?
- У Кровососа есть связи в DarkNet, – ответил Колыванов.
- Что ещё?
- В пятницу вечером Кровосос больше шести часов находился вне Сети, – добавил Вербин.
- Факт, который может пригодиться в дальнейшем.
- А может и не пригодиться, – заметил Анзоров. – Не все находятся на связи постоянно.
- Посмотрим, какое алиби Кровосос себе придумает, – пожал плечами Шиповник.
- Он не собирается попадаться, – обронил Вербин.
- Что?
- Что?

Анзоров и Шиповник задали вопрос одновременно и одновременно же посмотрели на Феликса.

– Это ещё один факт, который можно добавить в копилку: Кровосос не собирается попадаться и подпускать нас к себе. А значит, у него нет алиби на вчерашний день.

– Нам же легче, – усмехнулся Анзоров. – А вам, Феликс, хочу напомнить, что преступники в принципе не собираются попадаться. Но тюрьмы не пустуют.

– Но и попадают не все.

– Больше уверенности, Феликс.

– С ней у меня всё в порядке. – Вербин то ли улыбнулся, то ли скривился в сторону следователя и повернулся к подполковнику. – Шеф, я больше чем уверен, что обычными методами мы на Кровососа не выйдем. А чтобы достать человека, который ухитрился обойти московские видеокamеры, нужно вывести его из равновесия и заставить совершить ошибку. Нам нужен неожиданный ход.

– Давайте не будем лепить из серийного убийцы какого-то супермена? – предложил Анзоров. – Да, он наглый и дерзкий, но все ошибаются. И мы ещё не закончили с видеокamерами, чтобы испытывать к нему пиетет. Вполне возможно, что к вечеру мы будем знать марку и номер машины, на которой он уехал с Верхних Полей, и его паспортные данные.

– Вполне возможно, – вежливо согласился Вербин.

– Но вы в это не верите?

– Я верю, что это возможно.

– Я ещё раз повторяю: перестаньте делать из убийцы супермена.

– Я не делаю, – очень спокойно ответил Вербин. – Но я не собираюсь его недооценивать и не хочу, чтобы вы его публично недооценивали. Выложив видео, Кровосос подвёл нас под прицел всех блогеров и СМИ, сделал себя новостью номер один. Его обсуждают. Ждут следующего шага. И как вы будете выглядеть, если завтра назовёте Кровососа идиотом, а послезавтра он совершит убийство и посмеётся над вами в следующем ролике?

На этот раз следователь замолчал надолго, почти минуту смотрел Вербину в глаза, обдумывая услышанное, и в конце концов протянул:

– Я понял, что вы имеете в виду, Феликс, и согласен с вашими доводами.

– Спасибо.

– Мы не превозносим Кровососа, но говорим, что это очень умный и хитрый преступник.

– Именно так, – подтвердил Феликс. – И если общество будет уверено, что мы сражаемся не просто с убийцей, а с очень умным убийцей – тем значимей будет наш успех, когда мы его задержим.

– А мы его задержим? – неожиданно засомневался Анзоров.

– А у нас выхода нет, – жёстко ответил Вербин.

– Мне нравится ваш ответ.

– Спасибо.

– Мне нравится, что вы не забыли о том, что мы под прицелом СМИ, и напомнили мне об этом. К сожалению, в этом деле нам придётся думать о СМИ чаще, чем хотелось бы.

Всем присутствующим было понятно, что Анзорову вообще не хотелось бы думать о журналистах и общаться с ними, но проклятые обстоятельства не оставляли выбора.

* * *

В восемь утра в саду Баумана, что на Старой Басманной, ещё совсем тихо. Небольшой, но очень уютный, бывший некогда частью усадьбы князей Голицыных, к восьми утра он уже просыпался, выпадал из дрёмы, но ещё лениво потягивался, добродушно поглядывая на первых посетителей и ожидая привычного нашествия мам с малышкой. Летом в городе их оставалось немного, большинство перебирались на дачи, но Сад всё равно не пустовал: ни днём, ни вечерами. И удивлялся, почему так мало людей приходит в него по утренней прохладе?

А вот большого чёрного кота, медленно крадущегося среди кустов, отсутствие шумных посетителей радовало – не мешали. Ещё минуту назад чёрный кот спокойно шёл по своим делам, пересекая Сад с северо-востока на юго-запад, но увидел на дорожке стайку воробьёв и не сумел устоять перед охватившим его азартом. Кот напрочь позабыл о делах, мгновенно покинул дорожку и теперь бесшумной тенью приближался к ничего не подозревающим воробьям, расчётливо выбирая момент для прыжка. Он, кажется, умел становиться невидимым – во всяком случае, воробьи не подозревали о приближении охотника до момента прыжка.

А потом стало слишком поздно.

Чёрный кот прыгнул, воробьи в панике разлетелись, но спастись удалось не всем: несмотря на внушительные размеры, кот оказался и быстрым, и необычайно ловким, и одна из птичек осталась под его большими лапами. Прижатая к асфальту дорожки. Трепещущая. Но живая. Кот ухитрился поймать воробья не выпуская когтей, не поранив и ничего ему не сломав. И теперь просто держал, чувствуя дрожь перепуганной птицы. И задумчиво смотрел на сомкнутые лапы большими зелёными глазами.

А птичка... Возможно, воробей прощался с жизнью, со страхом ожидая, когда его пронзят когти охотника, но это слишком поэтично. Скорее всего, воробей просто пребывал в состоянии панического ужаса, и те несколько секунд, в течение которых кот его удерживал, показались ему веками. А затем охотник раскрыл большие лапы и проводил вспорхнувшую птичку долгим взглядом. После чего важно задрал хвост и неспешно продолжил свой путь с северо-востока на юго-запад.

Это был очень странный кот.

///

Лежащий на столе смартфон пискнул, оповестив о пришедшем в Telegram сообщении, лейтенант Мартынов бросил взгляд на экран, увидел, что новый пост появился на профессиональном канале, догадался, чему он будет посвящён, попытался вернуться к делам, но через несколько секунд сдался, отложил авторучку и взялся за смартфон.

И разочарованно поморщился: никаких новостей. Просто кто-то проанализировал видео с места преступления и установил породу летучих мышей. Информация, конечно, любопытная, но не особенно интересная.

«Для меня неинтересная, – мысленно уточнил Мартынов. – А ребятам сейчас наверняка поставили «весёленькую» задачу – попытаться установить, где Кровосос взял мышей? Интересно, их продают? Они кому-нибудь нужны? А если нужны, то зачем? Поселить на чердаке у соседа? Выпускать по вечерам, чтобы ели комаров на участке?»

Лейтенант почувствовал непреодолимое желание забить в поисковую строку «купить летучих мышей» и с большим трудом заставил себя вернуться к делу, которым занимался до прихода сообщения.

Так уж устроена жизнь: кто-то охотится за Кровососом, сумевшим напугать огромную Москву, а кому-то приходится оформлять смерть Валентины Александровны Шнитке, глубоко пожилой женщины, обнаруженной такой же глубоко пожилой подругой.

Анна Вениаминовна Кулясова сидела напротив участкового Мартынова и тихонько плакала. Даже не плакала, а просто изредка всхлипывала: бурные рыдания остались позади и больше не мешали Анне Вениаминовне отвечать на вопросы полицейского.

– Мы с Валечкой с детства дружим. А дочь её – Лерочка – сейчас за границей живёт, у неё муж дипломатом работает. Вот мы и решили, что у меня ключи от её квартиры хранятся, а у неё – от моей. А дальше, как говорится, кто успеет первой. – Анна Вениаминовна вздохнула, вытерла платочком глаза, но сумела сдержаться. – Мы каждое утро созванивались и почти каждый день виделись. По делам разным или в магазин – всегда вместе.

А сегодня утром Валентина Александровна не сняла трубку. Анна Вениаминовна позвонила несколько раз, после чего, охваченная неприятными предчувствиями, помчалась в соседний дом и нашла подругу в собственной кровати. Очень спокойную. Кажется, даже улыбающуюся.

Мёртвую.

Входная дверь заперта, следов взлома нет. Все окна закрыты, кроме настёж распахнутого окна спальни, но поскольку квартира старушки располагалась на пятом этаже, ближайшее дерево стояло метрах в трёх, а спуск по верёвке с крыши показался инспектору слишком фантастическим вариантом, Мартынов счёл вероятность убийства низкой. Расследовать, разумеется, тут ничего не придётся, но бумаги инспектор заполнял аккуратно, хоть и отвлекался на приходящие в Telegram сообщения, а когда закончил – поинтересовался:

– Простите, Анна Вениаминовна, совсем забыл спросить: у Валентины Александровны были домашние животные?

Пару лет назад невнимательный участковый оставил в запертой после смерти владельца квартире собачку, а поскольку родственники по каким-то причинам не стали торопиться со следующим визитом, собачка проголодалась и на второй день принялась громко выть. К несчастью для полицейских, этажом выше собачки проживал успешный блогер, который не преминул раздуть скандал, но основное внимание почему-то сфокусировал не на родственниках покойного, которым о существовании собачки было прекрасно известно, а на невнимательном участковом. Собачку, разумеется, спасли, а руководство довело до инспекторов необходимость уточнить, кто будет заботиться о домашних любимцах покойных.

Если таковые имеются.

– У Валечки была кошечка, Фрося, такая, знаете, беленькая, – рассказала Анна Вениаминовна. – Валечка тяжело переживала её смерть и много раз говорила, что никогда больше не заведёт животных. К тому же она понимала свой возраст и не хотела, чтобы после смерти кошечка оказалась никому не нужной.

«Что бывает очень и очень часто, – добавил про себя Мартынов. – К сожалению».

В комнате, как это часто бывает в домах старых людей, пахло лекарствами, и запах ненавязчиво усиливал слова Анны Вениаминовны: Валентина Александровна понимала не только свой возраст, но и состояние здоровья.

– Но пару недель назад Валечка рассказала, что к ней начал заходить кот.

– Кот? – переспросил полицейский.

– Кот, – подтвердила Анна Вениаминовна таким тоном, что с языка инспектора едва не сорвался пошлый и глупый вопрос: «Вы уверены, что это не кличка?»

– Валентина Александровна взяла в дом кота?

– Нет. – Старушка вновь вытерла платочком глаза. – Валечка рассказала, что встретила его случайно, во дворе. Ещё она говорила, что это очень ухоженный, самостоятельный и дружелюбный кот, который, видимо, недавно переехал в наш район...

«В смысле, его хозяева переехали...»

– ...и теперь ходит и всё тут изучает.

– Большой кот?

– Валечка сказала, что большой. Он иногда приходил к ней вечером, и она его гладила. И ещё он ложился в ноги, потому что у Валечки они болели, а от того, что кот их грел, ей становилось легче.

– Валентина Александровна оставляла кота на ночь? – удивился Мартынов.

– Иногда. Если он не был против. Коты, знаете ли, сами решают, когда приходит и когда уходить.

– Ну, да, конечно.

Теперь стало понятно, почему Валентина Александровна оставила окно распахнутым, а не открыла только на «гребёнку».

Мартынов поднялся со скрипучего стула, жестом показав Анне Вениаминовне, чтобы она оставалась на месте, подошёл к окну, открыл его и оценил расстояние до дерева. Метра три, не меньше, но для кота – ерунда. Участковому даже показалось, что он видит на стволе следы когтей, но, поразмыслив, решил, что ошибся. В спальне лекарствами пахло меньше, наверное, из-за раскрытого всю ночь окна.

– На что вы смотрели? – спросила старушка, которая всё-таки не удержалась и прошла за Мартыновым.

– Прикидывал, сумеет ли кот допрыгнуть до дерева, – ответил участковый, возвращаясь за стол.

– И что?

– Сумеет.

– Это важно?

– Наверное, нет, – честно признался Мартынов. – Я просто никак не мог понять, почему Анна Вениаминовна оставила окно открытым. А теперь понял.

– Вы очень внимательны, – похвалила полицейского старушка.

– Делаю свою работу, – пожал плечами участковый. Помолчал и повторил: – Просто делаю свою работу.

* * *

– Стоило тебе уехать – прислали предварительную информацию о видеоролике, – Колыванов начал говорить сразу, едва услышав в трубке голос Феликса. – Предварительную и сугубо техническую.

– И что там? – Вербин переложил телефон из правой руки в левую, вытащил пачку сигарет и уцепился за одну губами.

– К сожалению, ничего, – огорчил Феликса напарник. – Видео смонтировано в одном из самых распространённых редакторов из нескольких разных записей и аудиоролика. Голос изменён, причём настолько качественно, что невозможно достоверно сказать, кто читал изначальный текст – мужчина или женщина... Ну, это мы и так знали. По всей видимости, использовалась пиратская копия редактора, так что узнать владельца невозможно.

– Как видео оказалось в Сети?

– С соблюдением всех мер предосторожности. Это всё, что специалисты могут пока сказать.

– То есть Кровосос всё-таки разбирается в цифровых технологиях? – протянул Феликс, припомнив слова Анзорова и свой на них ответ.

– Или ему рассказали, как правильно замечать следы.

– И он разобрался?

– Сам говорил, что Кровосос – товарищ аккуратный и педантичный. Думаю, он разобрался.

– Задержим – определим. – Вербин понял, что разговор заканчивается, и вернул сигарету в пачку. – Звони, как ещё чего узнаешь.

– Держи телефон под рукой.

– Шутник, – проворчал Феликс, проходя во двор, где они договорились встретиться с Патрикеевым.

Вербин любил бывать во Втором морге – по-другому его практически не называли, – в старом здании по переулку Хользунова, фасад которого украшала надпись «Анатомический театр». Когда-то дом на Девичьем поле предназначался для Высших женских курсов, теперь же в нём, изрядно достроенном, располагались несколько кафедр Университета имени Пирогова. В том числе – кафедра судебной медицины. Внутренний двор Медицинский университет делил с Педагогическим, и в тёплые дни Феликсу доводилось наблюдать занятное смешение студентов: из анатомического театра они выходили покурить в окровавленной одежде, а из художественного факультета – перепачканные красками. Издалека не отличить, нюансы становятся заметны только вблизи.

А в нюансах всегда скрывается главное...

Но главное для Вербина сейчас заключалось в том, что во Втором морге работал Иван Васильевич Патрикеев – пожилой опытный эксперт, дотошный и в хорошем смысле занудный. Феликс очень обрадовался, увидев его в бригаде, и чтобы побыстрее узнать результаты, позвонил и договорился о встрече.

– Ты на этот раз раньше обычного, – с улыбкой заметил эксперт, пожимая Вербину руку. – Не терпится генералом стать?

– Не терпится убийцу поймать, – отшутился Феликс. – У меня отпуск из-за него накрывается.

– И премия?

– Это уж как получится.

– Получится, получится, у тебя «висяков» мало. Но отпуск и правда не повредит... собираешься куда?

– Меня тянет к тёплому морю, а Кри – в Териберку.

– Тогда надо сейчас ехать, пока в Териберке тепло.

– В Териберке тепло, а в тамошнем море – не очень.

– Потерпишь.

Они были знакомы больше десяти лет, ещё с тех времён, когда Вербин был совсем «зелёным» стажёром, и не то чтобы дружили, но относились друг к другу по-приятельски. При этом Патрикеев с первого дня говорил Феликсу «ты» – он мало кому выкал, а Вербин – только на вы,

потому что Ивану Васильевичу такое обращение нравилось. О Криденс Патрикеев знал, даже в «Небеса» заглянул однажды – и одобрил: и бар, и девушку.

– Мне из СК звонили, просили не затягивать с выдачей предварительного заключения, – вернулся к делам эксперт. – Я собирался к вечеру написать, а ты уже примчался.

– Я всегда впереди всех. Даже впереди СК.

– И чего ты хочешь знать?

– То, что знаете вы.

– Для этого тебе придётся сначала многому научиться.

– То есть надежды никакой?

– Абсолютно. – Они рассмеялись, но на этот раз коротко, просто обозначили смех, после чего Патрикеев стал абсолютно серьёзен: – Девчонке лет двадцать пять – тридцать, не более. Брюнетка, причём абсолютно точно не азиатка, с вероятностью девяносто процентов – славянка, но точно скажу через несколько часов.

– Я видел, что у неё отсутствуют пальцы на правой руке, – припомнил Феликс.

– И на левой – тоже, – кивнул Патрикеев. – Очень аккуратно удалены болторезом. А лицо жертвы обезображено концентрированной кислотой. И хочу сказать, что кислоты преступник не пожалел.

– Ему важно не позволить нам идентифицировать труп.

– Похоже на то, – кивнул Патрикеев. – Мы, конечно, попробуем восстановить лицо, но на быстрый результат не рассчитывай. Как и на точный – преступник поработал очень качественно, стирал не только мягкие ткани, но и лицевые кости повредил.

– Когда были нанесены травмы?

– Ты умеешь задавать правильные вопросы, – одобрил Иван Васильевич. – Все травмы нанесены посмертно – преступник уродовал жертву после убийства.

– Сексуальное насилие?

– Нет. Вообще никаких следов насилия – ни физического, ни сексуального. Однако способ убийства он выбрал затейливый.

– Обескровливание?

– Как ты догадался? – изумился Патрикеев. – Кому-то из моих звонил?

На такое поведение Иван Васильевич мог крепко обидеться, поэтому Вербин поспешил объясниться:

– Я не видел следов крови ни под плёнкой, ни в багажнике. Вот и предположил, что преступник её выкачал.

– Ты всегда был внимательным.

– Спасибо.

– Если интересуют детали, то, судя по следам на теле, преступник подвесил жертву за ноги, вскрыл сонную артерию и слил всю кровь, которая могла стечь. Не знаю, собирал он её или нет, но действовал именно так. После чего обмыл тело и вытер или высушил его. А может, вытер и высушил. И только затем упаковал в полиэтилен.

– Жёстко, – оценил Феликс. – Много времени понадобилось убийце на то, чтобы всё это сделать?

– Если он не торопился и действовал аккуратно, то часа два – два с половиной.

– Значит, у него есть надёжное убежище.

– Не только надёжное, но и хорошо оборудованное, – добавил Патрикеев. – Результаты анализов однозначно указывают на то, что перед смертью жертву не менее трёх дней держали на психотропных препаратах.

– Без сознания?

– А иначе какой смысл? – Эксперт помолчал. – На руке есть отметины, которые позволяют предположить, что жертва находилась под капельницей. Помимо препаратов ей давали

питательный раствор и антикоагулянт, причём в больших дозах. Вводил через капельницу и уколами – на животе есть характерные гематомы.

– Что это?

– Гематома? Синеяк по-вашему.

– Антикоагулянт, – уточнил Вербин. – Для чего его колоть?

– Это средство, препятствующие свёртываемости крови.

– Чтобы она легче стекала?

– Да.

– То есть преступник неплохо разбирается в медицине?

– Или у него есть хороший консультант.

– Которому он задавал специфические вопросы.

– Я бы сказал – весьма специфические вопросы.

– И если мы публично расскажем, что преступник делал с девушкой перед смертью, его консультант может сообразить, что его недавно спрашивали, как можно устроить подобное?

– И придёт к вам?

– Если он нормальный.

– В принципе идея рабочая, – подумав, одобрил Патрикеев. – Но при этом консультант может не прочитать ваше сообщение, или оказаться подонком, или, например, быть запуганным преступником.

– Или преступник – врач.

– Или так, – согласился эксперт. – Но это уже твоя работа – выяснить, кто по профессии преступник и кто он вообще такой. А чтобы тебе было проще, могу подбросить, точнее, напомнить, ещё один факт: на теле нет признаков насилия. Есть следы ремней, которыми жертву привязывали к кровати, скорее всего – к медицинской; есть следы верёвки – девушку подвешивали за ноги, но нет никаких следов борьбы. Из чего можно сделать вывод, что похищение было организовано с помощью препаратов.

– Хотите сказать, что убийца не обладает достаточной физической силой?

– Или не хотел её применять. Например, чтобы не привлекать внимание.

– Или он похитил нескольких девушек, – неожиданно произнёс Вербин.

– Что? – не понял Патрикеев.

– Мы уверены, что одним преступлением Кровосос не ограничится, – медленно ответил Феликс. – Он вышел на большую охоту, и трупов будет несколько. Но после обнародования видео потенциальные жертвы могут стать осторожнее.

– И преступник сделал запас? – прищурился Патрикеев. – Похитил нескольких девушек и держит их под капельницами?

– Почему нет? Кровосос производит впечатление собранного и предусмотрительного человека. И если он действительно держит жертв без сознания, под капельницами, ему и места много не нужно.

– А если он ошибётся с дозой? – спросил эксперт. – Нужно обладать опытом, чтобы держать человека в таком состоянии на протяжении... О каком времени идёт речь?

– Кровососу всё равно их убивать, – пожал плечами Феликс.

– Пожалуй, да – ему плевать на то, что он может ошибиться с дозой, как и на то, что сердце может остановиться. – Патрикеев покрутил головой. – Ты описал очень жестокого человека, Феликс, а не больного зверя.

– Больного, но умного, – жёстко ответил Вербин. – Преступник подвешивал девушку, чтобы сцедить кровь?

– Да.

– Жертва была без сознания?

– Думаю, да. В жертве нет препаратов, кроме тех, которые держали её в отключке. – Патрикеев помолчал, после чего поинтересовался: – Как думаешь, что он сделал с кровью?

– Вряд ли выпил.

– То есть преступник – не вампир?

– Были подозрения? – притворно удивился Вербин.

– Я не обнаружил на шее жертвы следов укуса. Только рану, вскрывшую сонную артерию.

– Вы искали следы укуса?

– Разумеется.

– Правда? – на этот раз изумление Феликса было искренним.

– На всякий случай, – улыбнулся довольный произведённым эффектом Патрикеев.

И пояснил: – Ты бы удивился, если бы я не проверил.

– Поэтому я люблю с вами работать – вы ничего не упускаете.

– Когда же ты запомнишь, что я не реагирую на лесть?

– А на правду? – улыбнулся Вербин.

– Правду говори чаще.

– Вот я и стараюсь. – Они рассмеялись, словно подводя черту под разговором, после чего

Феликс спросил: – Значит, отчёт к вечеру?

– Раз ты уже всё знаешь, не буду торопиться. Завтра пришло. Может, ещё что выясню...

И если появится что-нибудь интересное – позвоню.

– Спасибо!

Попрощавшись с Патрикеевым, Феликс вышел на улицу, вновь достал пачку сигарет, повертел её в руке и убрал, сменив на телефон:

– Гена?

– Ты по мне соскучился?

– Обрадуешься, если я скажу «да»?

– Очень, – поддержал шутку Кольванов. – Зачем звонишь?

– Тебе не кажется, что мы упустили из виду мышей?

– Хочешь до них докопаться?

– Чувствую, придётся.

– Придётся обязательно, – согласился Кольванов. – Летучие мыши – товар экзотический, не в каждом зоомагазине купишь.

– Уверен, что в зоомагазине мышей в таком количестве вообще не купишь – только под заказ. А поскольку заказ странный – покупателя наверняка запомнили.

– Он был к этому готов.

– Нужно посмотреть, как он подготовился и что сделал, чтобы его не нашли.

– Я свяжусь с ребятами из окружного управления, на тот случай, если они сами до мышей додумались, и организую работу в этом направлении.

– Договорились.

Вербин убрал телефон в карман, наконец-то закурил и задумался, аккуратно раскладывая по полочкам «внутренней библиотеки» собранную информацию.

Итак, жертва находилась в плену несколько дней, по мнению Патрикеева – не меньше трёх. При этом есть вероятность, что похищена не одна девушка и остальные ждут, когда убийца ими займётся. И пока нет никакой надежды их спасти. Точнее, надежда есть, но призрачная, так что ещё один труп будет обязательно. Как минимум один труп...

Феликс подошёл к машине, бросил на пассажирское сиденье рюкзак, но за руль садиться не стал – продолжил размышлять, блуждая вокруг автомобиля.

Итак, девушки... или девушка. Одна или несколько? А если несколько, то случайные или из одной компании? Или снял проституток? С одной стороны, исчезновение сразу нескольких проституток не останется без внимания сутенёра, с другой – сейчас лето, многие разъеха-

лись из города. Проститутки кажутся идеальной мишенью, но возникает вопрос: зачем прилагать такие усилия, чтобы скрыть личность проститутки?

Слишком мало информации...

Если же девушки из обычных семей, то должны беспокоиться родственники. Учитывая, сколько прошло времени, – обязательно должны, даже в том случае, если девушки живут отдельно. Конечно, вновь необходимо учитывать фактор лета – люди разъезжаются в отпуска, но при этом всё равно остаются на связи. Сколько раз в неделю жертва обычно созванивалась с родителями? Или с друзьями? Братьями или сёстрами? Кто-то же у неё есть... Должен быть! А если есть, то как скоро этот «кто-то» почувствует неладное? Ещё дня через три-четыре? Или уже почувствовал?

– Пусть вы уже беспокоились, а? – попросил Феликс, разглядывая тлеющую сигарету. – Пусть вы уже поняли, что девчонка пропала, и я найду её имя в списках пропавших.

Потому что убийца не просто так не позволяет идентифицировать жертву – это не случайная девушка, совсем не случайная. Жертва как-то связана с преступником и способна указать на него или...

Феликс затушил сигарету, бросил окурочек в урну, вздохнул и сказал:

– Или по имени жертвы можно понять, кого он убьёт следующим.

* * *

Разве можно планировать личную жизнь с такой работой?

Но у многих как-то получалось, даже у большинства получалось: в их отделе только Вербин и Колыванов до сих пор не завели семьи. Но если Гена в плане семейных уз был девственно чист, ухитрившись к тридцати годам сохранить «те самые» странички паспорта в неприкосновенности, то у Вербина имелся опыт посещения ЗАГСа – неплохой, и семейной жизни – весьма недолгий.

Феликсу довелось пережить классический «молодёжный» брак: познакомились на последнем курсе и сразу «вспыхнули», перепутав страсть с любовью, но искренне веря, что видят перед собой того самого человека, который «однажды и на всю жизнь». Свадьбу сыграли через месяц после получения дипломов, а ещё через месяц впервые крепко поскандальили – когда Света «неожиданно» поняла, что ненормированный рабочий день полицейского – это не выдумка сценаристов и писателей, а заурядная обыденность. В общем, Феликс просидел в засаде день рождения тестя, выслушал от жены всё, что она по этому поводу думает, и не разговаривал с ней два дня. Потом помирились, конечно.

«Я честно говорил, что не буду располагать своим временем, – сказал тогда Феликс. – Ничего не скрыл».

«Я думала, ты меня пугаешь».

«Извини».

«Ничего страшного, – вздохнула Света. – Я постараюсь привыкнуть».

И в этот момент Вербин понял, что между ними всё кончено – об этом ему сказали опустившиеся уголки губ и накотившее ощущение отчуждённости. Света не сказала: «Мы постараемся», она пообещала справиться с проблемой самостоятельно, а это не может закончиться ничем хорошим, потому что тот, кому приходится стараться, обязательно начинает чувствовать обиду. Ведь он старается! Ради второго. А второй не ценит. Не всегда говорит «спасибо», забыл помыть за собой кружку из-под кофе, а сегодня вообще храпел, потому что простудился вчера. Зачем ты простудился?

Стараться в одиночку нельзя, а вдвоём не получалось, поскольку изменить хоть что-то Вербин мог только одним способом – уволившись. А он не хотел. И единственное, что ему удалось, – это не позволить отношениям дойти до стадии «Полный ад»: когда Феликс понял,

что поводом для скандала способна стать любая мелочь, он предложил Свете разойтись. И по тому, с каким безразличием прозвучал ответ – положительный, понял, что предложил вовремя.

Потому что и сам не испытывал никаких эмоций.

Только равнодушие.

Сейчас у Светы толковый муж, являющийся с работы не позже семи, и двое мальчишек-близнецов. Она вышла замуж через пять месяцев после развода и на этот раз не ошиблась, а Феликс все прошедшие годы посвятил работе и недолгим связям. Дважды оказывался на грани свадьбы, но в обоих случаях отношения не выдерживали совместной жизни: в первый раз девушка сбежала через месяц, во второй – через семь недель.

«Ты очень мало времени проводишь дома».

Можно подумать, он об этом не знал.

Не то чтобы Феликс не задумывался о создании семейного очага, скорее, плыл по течению, не прилагая усилий, и однажды – приплыл. Как это часто бывает – абсолютно случайно. Если, конечно, в жизни хоть что-то происходит случайно...

На дворе стояла «хорошая» пятница. «Хорошая» в том смысле, что они с Кольвановым не были заняты делами и смогли посмотреть футбол. В пабе. Потом посмотреть более поздний матч – в другом пабе. Потом просто поболтать за стойкой – в третьем. И кажется, с кем-то флиртовали – в четвёртом, но это не точно. Они меняли заведения вовсе не потому, что им не понравилось в первом, просто требовалось периодически видеть вокруг что-то другое и кого-то другого. «Грязные небеса» стали шестым баром, в котором оказались друзья. Как именно они в него попали, никто не помнил, просто в какой-то момент Вербин осознал себя сидящим за стойкой и рассказывающим что-то не Кольванову, который дремал слева, а девушке напротив. Девушке по имени Криденс. В тот момент – да и наутро тоже – Феликс не знал, как оказался в заведении, не помнил его название и уж тем более – адрес, но имя девушки он знал и запомнил навсегда.

Криденс.

Когда Феликс осознал себя, он рассказывал какую-то байку из своего опыта, и рассказывал, судя по всему, хорошо – на финальной фразе Криденс звонко рассмеялась. А Вербин смотрел на неё во все глаза и неожиданно понял, что не зря живёт на свете.

Он был пьян. Он был изрядно пьян. Однако охватившее его чувство, как и имя девушки, запомнил навсегда. Очень неожиданное чувство, потому что работа Вербина заключалась в восстановлении справедливости, потому что он не раз и не два спасал людей, в том числе – от смерти, поэтому знал, что живёт не зря. Но эта девушка наполняла Феликса новым, очень глубоким и очень важным смыслом, из-за неё он почувствовал нечто, ни разу до сих пор не пережитое. Нечто такое, чему он ещё не мог найти названия, но уже знал, что оно ему очень дорого.

«Ваш друг заснул», – заметила Криденс.

«У вас это запрещено?»

«Не приветствуется, – мягко ответила девушка. – Вызвать такси?»

«Может, чуть позже? – почти жалобно попросил Феликс. – А пока я могу выпить и за себя, и за парня, которого вы хотите прогнать».

«Вы уверены?»

«Если это единственный способ не вызывать такси».

На этот раз она не засмеялась, а чарующе улыбнулась, налила Вербину на один палец виски – с удивительной точностью выбрав правильную бутылку – и сказала:

«За счёт заведения».

«Я могу заплатить».

«А угощение принять можете?»

«С радостью. – Он поднял стаканчик. – Ваше здоровье».

Феликс залпом выпил угощение и... проснулся дома.

И долго не мог понять, приснилось ли ему то заведение или нет. Видел ли он в действительности ту девушку со странным именем и невероятным смехом или измученное одиночеством подсознание подарило ему встречу с мечтой? Потом Вербин разбудил Кольванова, который спал в гостиной на диване, и спросил, в каком баре они закончили трип? Гена ответил выразительным взглядом и на полчаса скрылся в ванной комнате. А Феликс попытался припомнить хоть какие-то географические приметы, понял, что не справляется, позвонил старому приятелю из технического отдела и попросил рассказать маршрут, по которому в ночь с пятницы на субботу путешествовал его телефон. И ровно в семь вечера вошёл в «Грязные небеса». Нет, Феликс не дожидался специально ровного времени, так совпало. Вошёл и сразу увидел Криденс. А увидев – понял, что узнал. На этот раз девушка не была за стойкой, а сидела около неё, но это не помешало ей улыбнуться:

«Как обычно?»

Вербин смутился.

«Скажем так: вчерашний вечер не был для меня обычным».

«Не буду спорить», – ровным голосом отозвалась Криденс.

И Феликс поймал себя на мысли, что ему не хочется, чтобы эта удивительная девушка приняла его за пьяницу.

«Вы мне не верите?»

Вместо ответа Криденс молча поднялась, прошла за стойку и сделала Вербину кофе. Чёрный. Он потянулся за сахаром, но она качнула головой. Молча. Он подумал, что имеет смысл сделать так, как хочет женщина, и не ошибся: кофе оказался замечательным.

«Я за него заплачу».

«Значит, ты что-то помнишь?»

Она очень легко и естественно перешла на «ты».

«Я помнил только тебя».

«И бар?»

«Мне помогли вспомнить бар, – не стал скрывать Вербин. И повторил: – Я помнил только тебя».

Он понимал, что выглядит глупо, но хотел, чтобы Криденс об этом знала. И догадалась, что он считает их встречу очень важной. И ещё Феликс очень боялся, что у него был один-единственный шанс, который он благополучно прощёлкал ночью. Боялся настолько, что не сразу понял, что ответила Криденс:

«А я очень жалела, что посадила тебя в такси».

Не сразу. А когда понял – выдохнул и широко улыбнулся:

«Ты знала мой адрес».

«Не знала. Такси занимался Антон». – Она указала на бармена.

«Почему он?»

«Чтобы я не узнала твой адрес».

«Ты могла у него спросить».

«Антон быстро забывает ненужные подробности».

«В приложении есть раздел “История поездок”.

«Ты полицейский?»

«Заметно?»

«Очень».

«Почему ты не хотела знать мой адрес?»

«Ты был пьян, я – одинока. Ты мне очень понравился, но я не хотела быстрой нетрезвой интрижки».

В этом их желания совпали.

«Меня зовут Феликс».

Он догадывался, что представлялся ночью, но показал взглядом, что сейчас всё иначе. И девушка это поняла.

«Криденс».

Он осторожно пожал протянутую руку.

«Я буду называть тебя Лексом».

«Мне нравится».

«Правда?»

«Так меня ещё никто не называл. Только ты».

Через месяц Криденс переехала к нему, сказала, что от его квартиры до бара намного ближе, чем от её. И с того дня Феликса стало тянуть домой.

А когда он знал, что Криденс нет дома, – ехал в «Грязные небеса»...

///

Главным украшением которого считалась – по общему мнению – администратор Катя. Вербин с общим мнением был категорически несогласен, но признавал, что энергичная, активная и всегда позитивно настроенная Катя привлекала внимание и гости общались с ней с удовольствием. Люди улыбались, глядя на Катю, и даже недовольные жёны, приходящие в «Небеса» искать мужей и обвиняющие в алкоголизме драгоценного супруга всех и вся, а особенно – работников заведений, – даже они говорили с Катей вежливо и приветливо. Потому что видели, что девушка излучает не сухое казённое радушие, а искреннее дружелюбие. И наполнена настоящей добротой. Некоторые мужчины ошибочно принимали открытость Кати за податливость определённого толка, однако умные быстро понимали, что дружелюбие не имеет ничего общего с возгласом «Открытая касса!», глупые выслушивали дополнительные объяснения, а самому тупому из желающих поразвлечься Феликсу пришлось как-то вправить мозги. Он не подрабатывал вышибалой, просто кто-то должен был утихомирить перебравшего гостя.

– Привет. – Катя поприветствовала Вербина поцелуем. – Ты рано.

– Устроился на приличную работу, – пошутил Феликс.

– Тогда ты поздно, – поддержала шутку администратор. – Где шлялся?

– Об этом имеет право знать только Кри.

– Ты ей всё-всё-всё рассказываешь?

– Если спрашивает.

– Бедная... – вздохнула Катя.

Они любили подначивать друг друга и прекрасно понимали, что разговор – шуточный.

– Она здесь?

– У себя. Позвонить ей?

– Я сам.

Катя занялась следующим гостем «Грязных небес», а Феликс уселся за стойку и кивнул Антону:

– На два пальца.

– Трудный день?

– Такая работа.

А работа Антона сделала из него отличного психолога: бармен понял, что сегодня к Феликсу не стоит приставать с расспросами, и отошёл. Однако в одиночестве Вербин пробыл недолго – всего один глоток, а когда вновь взялся за стакан, чтобы продолжить, подошедшая сзади Криденс обняла его и поцеловала в затылок:

– Привет!

– Привет. – Феликс поцеловал руку девушки и мягко усадил на соседний табурет. – Ты прекрасно выглядишь.

Стройная, но не тощая, энергичная Криденс, казалось, не могла остановиться даже на мгновение, вечно пребывая в движении. Не торопливом, суматошном, а непрекращающимся, олицетворяя лозунг: «В движении – жизнь». Густые каштановые волосы – немного вьющиеся – подстрижены длинным каре и, как правило, уложены в стиле «гранж». И огромные, невероятно большие глаза невероятного орехового цвета. Во взгляде Криденс можно было утонуть, особенно когда она смотрела в полумраке, смотрела не отрываясь, смотрела так, как ни на кого больше. И Вербин с удовольствием тонул во взгляде любимой женщины.

Правую руку Криденс украшали татуировки, к которым Феликс постепенно привык... Точнее, привык сразу, а вот окончательно принял через некоторое время. Татуировки создавали плотный, мастерски выполненный «рукав», который эффектно смотрелся, когда девушка надевала облегающую майку. Как, например, сегодня...

– Спасибо, – улыбнулась комплименту Криденс. – А вот ты кажешься усталым.

– Сегодня не случилось ничего такого, чего бы не происходило раньше. Обычный день.

– Не обычный. Я чувствую.

Криденс никогда не спрашивала Вербина о расследованиях, которые он вёл, ещё в начале знакомства сказала: «Я всё понимаю, захочешь – сам расскажешь», и вот – спросила. А после того как спросила, Вербин почувствовал на себе тяжёлый взгляд, посмотрел вверх и увидел зелёные глаза Бая.

– Ему тоже интересно, – мягко улыбнулась Криденс.

– Коты любопытны, – согласился Феликс. Погонял по стойке стакан, что делал, когда хотел потянуть время, и рассказал: – Плохое дело.

– Сложное?

– И сложное тоже, но в первую очередь – плохое. В Москве появился очень жестокий парень. Следов не оставляет, а людей убивает безжалостно.

Криденс правильно поняла использованное Феликсом множественное число – «людей» – и вздохнула:

– Убьёт ещё?

– А мы не сможем помешать. – Вербин сделал глоток виски. – Пока игру ведёт Кровосос, а мы следуем за ним, пытаюсь зацепиться хоть за что-то.

– Лекс... – Криденс провела рукой по щеке Вербина. – Маньяк?

– Скорее всего, серийный убийца.

– Есть разница?

– Да.

– Но с головой у него не всё в порядке?

– Полагаю, да – жестокость говорит сама за себя. Но при этом он расчётлив и...

– Хитёр?

– Или хитёр, или умён.

Бай поднялся, потоптался, но решил не уходить – вновь улёгся и продолжил смотреть на Вербина.

– Жаль, что умный человек тратит себя на убийства. – Криденс покачала головой. – Мог бы чего-нибудь добиться.

– Я допускаю, что в обычной жизни он вполне успешен.

– Разве это возможно? – удивилась девушка. – Мне казалось, что такие люди обязательно неудачливы – или в карьере, или в личной жизни. Остро переживают свою ущербность и компенсируют её жестокостью.

Во всяком случае, таким образом представлялось в большинстве просмотренных ею фильмов и сериалов.

– И такое бывает, – согласился Вербин. – А ещё бывает, что убийца осознаёт свою ущербность, но старательно её скрывает, производя впечатление абсолютно нормального, удовлетворённого жизнью человека. – Феликс вновь погоял по стойке стакан, но пить не стал. – К сожалению, пока с уверенностью можно сказать только то, что Кровосос умен и располагает большими средствами, что и подводит меня к мысли о том, что убийца успешен в жизни. Во всяком случае, в карьере.

– А ещё можно с уверенностью сказать, что в ближайшее время ты будешь очень занят, – негромко заметила Криденс.

– Не настолько, чтобы не появляться дома.

– Но появляться будешь усталым и напряжённым.

– Прости... – Феликс ещё не понял, к чему клонит девушка.

– Сегодня тебя уже не дёрнут?

– Не должны.

– Тогда поехали, – решительно произнесла Криденс.

– Сейчас? – Вербин бросил быстрый взгляд на заполненные «Небеса». – Вечер в разгаре.

– Вечер здесь наступает ежедневно, строго по расписанию, – пошутила в ответ девушка. –

А я не знаю, когда увижу тебя в следующий раз.

– Я могу подождать.

– Собрался со мной спорить? – Она поднялась. – Мне нужно три минуты. Вызови такси – не хочу тратить время на дорогу.

Идеальная.

Феликс допил виски, встал с табурета и проводил идущую по залу Криденс долгим взглядом.

Идеальная...

* * *

Это помещение было подготовлено очень собранным, аккуратным и, возможно, педантичным человеком, который тщательно продумал его оснащение и не только ни о чём не забыл, но и расставил предметы в идеальном порядке, обеспечив удобные подходы и довольно широкие проходы.

Три медицинские кровати с фиксирующими ремнями, из них одна уже пустая и аккуратно заправленная; капельницы около каждой кровати; металлические столики на колёсиках: один рабочий, чистый, второй с медикаментами, третий с инструментами; в углу – холодильник. Рядом с ним – большой пластиковый ящик для отходов. Помещение подвальное, без окон, чистое и хорошо вентилируемое. Дверь одна – металлическая, с тремя замками. На кроватях девушки... на двух кроватях. Глаза закрыты, дыхание спокойное, ровное, обе – под капельницами, через которые в их организмы поступают питательные вещества... и наркотик, не выпускающий пленниц из мира сладких грёз. Наркотик будет держать несчастных в небытии до самого конца и сделает так, что они не узнают о смерти, которую примут тихо и спокойно, даже не заметив, что стали мёртвыми. Ведь их жизнь закончилась в тот момент, когда они заснули.

Заснули, чтобы никогда не проснуться.

Убийца проверил капельницы – в этом не было необходимости, но убийца знал, что лучше перепроверить, чем что-то упустить, подошёл к двери, но не удержался и бросил взгляд на девушек. И подумал, что умереть, не зная о том, что уходишь, не так уж плохо: нет мучительного ожидания, как во время тяжёлой болезни, нет гнетущего страха приближения смерти, нет ужасной боли – нет ничего. Только сон.

«Но вряд ли вы оцените оказанную услугу...»

Убийца запер дверь, прошёл мимо стоящего в углу столика с мощным ноутбуком, в котором хранились все его тайны, поднялся на первый этаж и там, прямо у дверей, снял перчатки, маску, бахилы и тонкий защитный комбинезон, без которых не спускался в подвал, сложил вещи в чёрный мешок для мусора и аккуратно затянул завязки. В гостиной, все окна которой выходили на лес, устроился на диване, открыл другой ноутбук, в котором не было никаких секретов, кроме личных, и отправился в небольшое путешествие по новостным порталам, социальным сетям и телеграм-каналам – посмотреть, как далеко разошлись круги от брошенного камня.

Как выяснилось – далеко.

«Сумасшедшее видео от сумасшедшего мясника!»

«Москва потрясена!»

«Расследование взял под личный контроль...»

«Зачем убийца щеживает кровь?»

«Полицейские осторожно намекают, что убийства продолжатся...»

«Кровосос – вампир?»

«Сколько человек нужно убить, чтобы упырь насытился?»

«Убийства обязательно продолжатся».

«Возможно, Кровосос – сатанист?»

«Почему убийца скрывает имя жертвы? Была ли она изнасилована?»

Выложенное видео любители и «специалисты» разобрали по кадрам, заявление – по буквам, тысячи самозванных экспертов высказали своё мнение как о причинах, побудивших убийцу совершить столь страшное преступление, так и о выбранном им способе.

«Театральные ухищрения свидетельствуют о болезненной тяге к славе».

«Вполне возможно, что он стал жертвой бандитов».

«В чём провинилась несчастная девушка?»

Однако все сходились в одном:

«Кровосос – сумасшедший!»

Потому что – по мнению большинства – нормальный человек не способен устроить подобный перформанс.

«Мизансцена продумана прекрасно, – написал убийца в одном из телеграм-каналов. – Вполне возможно, что у него художественное образование. Или он занимается творческой деятельностью».

Через две минуты комментариев получил девять «лайков», три «дизлайка» и четыре ответа: три пользователя согласились с предположением, один попытался его опровергнуть, после чего у них с убийцей завязался оживлённый спор, на который никто не обратил внимания. Никто ведь не знал, что один из спорщиков – единственный в Сети человек, точно знающий всё, что уже было и что будет дальше.

в прошлом году

Октябрь в этом году оказался необыкновенно тёплым, но при этом – очень мокрым. Осенние дожди, которые никогда не отказывали себе в удовольствии заглянуть в Подмоскowie, зачастили так, словно выиграли бесплатную туристическую поездку на землю и без усталости обмывали её перед зимней спячкой. Разбухшая земля не протестовала – куда ей деваться? – а вот люди ворчали, ведь мало кто способен по-настоящему оценить прелесть холодного осеннего дождя, хоть быстрого, хоть затяжного, развешивающего повсюду влажную взвесь, мягко шуршащего или бодро стучащего по крышам и откосам. Дождя настоящего, не вызывающего грусти по прошедшему лету, а погружающего в неспешные размышления обо всём на свете. В такие дни хорошо строить долгие планы, особенно тем, кого дождь любит и потому помогает. Дождь может много, ведь он передаёт земле и нам привет с небес и тем необычен.

Дождь хорошо любить...

И сам дождь, и свежесть, которую он приносит на землю, стекая с края далёких небес, глубокую свежесть, зовущую вдохнуть полной грудью, остро чувствуя абсолютно все окружающие запахи: мокрых листьев, мокрых деревьев, мокрой травы, асфальта, покрышек, ещё горячего двигателя, капель, высыхающих на тёплом капоте, – дождь заставляет мир раскрываться, и в такие мгновения он особенно хорош.

И особенно хочется жить...

Солнца в этом октябре людям доставалось немного, и сейчас, в середине дня, низкие тучи создавали ощущение стремительно надвигающегося вечера. Впрочем, иногда они расходились, и тогда яркое, не по-осеннему яркое солнце торопливо напоминало о своём существовании; извиняясь, что не всегда получается пробиться сквозь одеяло туч. Илья Бархин извинения солнца принимал с удовольствием: дождь он не любил, но относился к нему равно и без раздражения – пошёл, значит, пошёл, ничего не поделаешь, – как относился ко всему, на что не имел возможности влиять и что не мог контролировать. Прагматично относился. А выглянувшему солнцу обрадовался, остановил чёрный «Range Rover», включил «аварийку», заглушил двигатель, вышел из машины, постоял чуть, привыкая к смене обстановки – после тёплого салона влажный воздух показался особенно острым, а затем глубоко вдохнул, забирая в себя все окружающие запахи: последние пятнадцать минут Бархин ехал по узкой асфальтовой дороге, по сторонам которой высились деревья, и теперь наслаждался ощущениями, невозможными ни в одном из московских парков, которые дарит пребывание в настоящем лесу. Вдохнул несколько раз, не опасаясь простудиться – или не задумавшись о том, что может простудиться, – достал из кармана пачку сигарет и закурил, отметив про себя, как легко дышится и очень приятно курится на свежем воздухе. Курильщики могут не любить дождь, но сочетание свежести и табака нравится большинству из них.

Он глубоко затянулся – так же глубоко, как до этого вдыхал лесной воздух, и вновь вернулся мыслями к разговору с женой, состоявшемуся прямо перед отъездом. И хоть высказывалась Галина без ночного надрыва, диалог получился жёстким и неприятным. И начался с безапелляционного заявления жены, что «ей надоело». Надоело, что Илья периодически обедает с Адой; что может час и даже больше говорить с ней по телефону; надоели ночные звонки, хотя сегодняшняя случай был редчайшим исключением; надоело видеть её на всех семейных праздниках – «Спасибо, что для моего дня рождения ты сделал исключение», – с сарказмом завершила Галина эту часть обвинений. Одним словом – надоело. Раздражение накапливалось давно, и ночной звонок послужил камешком, с которого начался сход лавины. Бархин понимал, что его отношения с Адой не могут нравиться жене, и попытался купировать скандал, напоминая, что речь идёт о подруге детства, не более, однако быстро понял, что на этот раз Галина не выражает недовольствие, а выдвигает ультиматум и намерена добиться его исполнения.

«У всех есть друзья детства, но давай не будем путать их с членами семьи».

«Ты несправедлива».

«Зато изумительно терпелива. Нормальная женщина заставила бы тебя выкинуть все воспоминания о друзьях детства сразу после свадьбы».

«Выкинуть воспоминания?»

«Не придирайся к словам! Ты понял, что я имела в виду».

К сожалению, да – понял. И очень хорошо понял.

Шутить на тему того, что Галя ненормальная женщина, Илья не стал – понимал, что в этом случае «холодный» скандал превратится в «горячий». Кивнул, показав, что понял.

Затем последовала пауза – Галина надеялась услышать от мужа что-нибудь внятное вроде «Ты совершенно права, дорогая», не услышала и мрачно спросила:

«Когда вернёшься?»

«В воскресенье».

«Я хочу, чтобы это было в последний раз».

«Это будет в последний раз».

Илья дал обещание очень твёрдым голосом, но был уверен, что лжёт: выкинуть Аду из жизни он не мог при всём желании. Просто какое-то время они будут встречаться реже. Ну а то, что Аде и Галине предстоит через месяц увидеться на дне рождения мамы – так то не его вина: гостей приглашает мама.

Сигарета докурена, первая порция свежего лесного воздуха наполнила лёгкие, Илья вернулся за руль и продолжил путь, с удовольствием прислушиваясь к мягкому шуршанию мокрого асфальта. Ехать оставалось недолго – минут через десять должны показаться ворота коттеджного посёлка «Сухари», в котором прошло его детство. Лучшая часть детства, свободная от школы: с сентября по май родители увозили Илью в Москву, но все каникулы и все «длинные выходные», за исключением тех случаев, когда они уезжали на море или путешествовали, Бархин проводил в «Сухарях». В дорогом посёлке со смешным названием.

Его построили очень давно, ещё в середине девяностых годов прошлого столетия, на месте совершенно захиревшей и готовящейся исчезнуть деревеньки. И назвали в её честь. Деревенька в итоге исчезла, а «Сухари» остались. И легко ложились на язык. И вызвали оживлённый интерес у гостей и друзей, у тех, кто не привык, что солидный посёлок для небедных людей назвали не каким-нибудь «шервудом», «кембриджем» или «британикой», наглядно демонстрируя победу захватившего страну карго-культу, а простецки.

«Почему «Сухари»?»

«Так деревня называлась».

«В ней сухари сушили?»

«По легенде, люди здесь жили неэмоциональные, а то и просто чёрствые, вот и назвали деревню так».

«Интересно».

Конечно, интересно: тому, кто историей своей земли увлекается, много интересного открывается и неожиданного. А кому плевать – тот исчезнет, как скифы, оставив после себя лишь золото. Золото уйдёт к другим, а в памяти в лучшем случае лишь название народа останется, и ничего больше.

В общем, так и пошло – «Сухари».

Несмотря на то что дом родители давно продали, в посёлок Илья проехал без задержки: Ада сделала ему брелок, позволяющий издалека открывать автоматические ворота и не тратить время на разговоры с охраной. Галя о брелоке не знала. Как не знала и то, что Илья рас-

- Ты позвонила и попросила приехать.
- Когда?
- Ночью.
- Понятно... – Ада поправила плед. – Значит, это не было сном.
- Твой звонок мне?
- Мой вчерашний день.
- И несколько предыдущих?
- Что ты имеешь в виду?
- Я видел бутылки в мусорном ведре. Сколько их будет в спальне?
- Не тебе меня осуждать.

Бархин вздрогнул и даже сделал шаг назад. Маленький, но сделал. И совсем другим тоном произнёс:

- Извини. Я не собирался.
- Женщина промолчала.
- Мне правда очень жаль.
- Тишина.
- Прости меня, пожалуйста.

Она едва заметно кивнула. Мир восстановлен, и Бархин почувствовал облегчение. Он знал, что Ада отходчива, но не хотел её расстраивать. Улыбнулся, подошёл к раковине, оглядел количество грязных тарелок и кружек, вздохнул и открыл посудомойку. Ада не была грязнулей, просто иногда... в некоторые дни... она выпадала из реальности...

- Зачем ты здесь?
- Я неожиданно поняла, что должна приехать, – ответила женщина, включая кофеварку.
- На эти дни?
- Да, на эти дни.
- Тебе плохо?
- Тебя это действительно беспокоит?

Он закрыл посудомойку и запустил её. Одновременно сварился кофе – совсем маленькая чашка очень крепкого, и женщина выпила её одним глотком. Очень крепкий и очень горячий. Но Бархин не был уверен, что она почувствовала его вкус.

– Я приехал, Адька, сразу, как только ты позвонила, – ответил Илья, глядя женщине в глаза. – Не задавая вопросов. После ночного звонка.

- Был скандал?
- Не важно.
- Был?
- Не важно.
- Спасибо, – тихо сказала Ада, вертя в руке чашку.

Бархин взял её и принялся мыть.

- Что ты здесь ешь?
- Какую-то еду.
- Какую?
- Какую нахожу.
- Консервы?
- Пью кофе и ем бутерброды.
- Сколько ты здесь пробыла?
- Не знаю. Дня три.
- Годовщина завтра.
- Ты помнишь?
- Мы все помним.

– Чем ближе день, тем... тем сильнее я чувствовала какое-то... беспокойство, что ли... – Ада посмотрела на плед так, словно только что поняла, что кутается в него. – Внезапно мне показалось, что день уже прошёл, я запаниковала, бросила всё и примчалась сюда. И только войдя в дом, поняла, что приехала рано. И решила остаться.

– А что Андрей? – Бархин спросил о муже Ады. О нынешнем муже.

– Он в Пекине. Очередная командировка.

Илья кивнул, подумал, взял только что вымытую чашку и поставил варить кофе себе.

– То есть ничего не ела.

– Когда надоедали бутерброды – я ехала в ресторан.

– Кто был за рулём?

– Ты ведь знаешь, что я больше не пью... – Она замолчала, вспомнив начало разговора, вздохнула и немного нервно провела рукой по волосам. – Я могу себя контролировать.

А он не захотел возвращаться к неприятной теме.

– Отвезти тебя в ресторан?

– Не хочу.

– А чего ты хочешь?

– Удиви меня.

– Удивить вряд ли получится.

– Тогда обрадуй.

Илья улыбнулся. Ада соскользнула с барной стойки, мягко провела рукой по его груди, вышла на террасу и закурила сигарету. Не оборачиваясь к кухне. Глядя на тёмный лес. На ней были только пижама, тапочки и плед, но тоненькая сигарета курится быстро, и Бархин был уверен, что Ада не успеет замёрзнуть. Потом она ушла переодеваться, сказав, что наверное, примет душ, а когда спустилась – примерно через час, – Илья уже приготовил быстрый овощной салат, спагетти болоньезе и открыл бутылку красного вина. Он любил и умел готовить, но только в «Сухарях» делал это с особенным удовольствием. Для души.

Для Ады.

– Потом гулять?

– Не хочу. Просто посидим у камина.

– А потом посмотрим телевизор?

– Например.

– Или включим какой-нибудь фильм?

– Или включим какой-нибудь фильм.

Им никогда не бывало скучно вдвоём. Ни разу со дня знакомства, поэтому до телевизора или фильма дело не дошло: закончив с едой, они перешли в гостиную, разожгли камин и уселись в креслах напротив. Ада по-прежнему пила вино, Илья перешёл на коньяк. Говорили об общих знакомых, о нынешних делах и чего ждать в будущем, несколько раз неожиданно вспоминали прошлое – тёплые, весёлые эпизоды из детских приключений в «Сухарях» – и смеялись; смотрели на огонь – молча, думая о чём-то, вновь возвращались к разговору, перескакивая с темы на тему или долго обсуждая что-то одно. И только около полуночи Илья рискнул вернуться к очень важному вопросу:

– Ты ведь не случайно стала испытывать беспокойство... в этом октябре?

Он выделил слово «этом».

– Пятнадцать лет. – Ответ едва прошелестел, но Илья услышал. – Думал об этом?

– Да.

– А Платон?

– Уверен, что да.

Ада помолчала, пригубила вино и, продолжая смотреть на огонь, сказала:

– Здесь хорошо, далековато, но хорошо... – Выдержала паузу. Он мысленно согласился: «Всё так: далеко, но безумно хорошо, так хорошо, как нигде». И он улыбнулся, подтверждая её слова. После этого Ада продолжила:

– Но я обязательно приезжаю сюда каждый октябрь.

– Ты не говорила.

– Мы договорились никогда не обсуждать октябрь.

Что было правдой.

– За Руслика. – Она подняла бокал.

– За Руслика, – отозвался Илья.

Чокаться не стали.

Длинные ноги Ада положила на пуфик – его принёс Илья – и почти лежала в кресле. Сделав глоток, она не вернула бокал на столик, потянулась, что получалось у неё необыкновенно соблазнительно, помолчала, глядя на огонь через бокал, и медленно рассказала:

– Последние два года мне снится один и тот же сон. Довольно часто снится, не реже раза в месяц. Всё время один и тот же сон: я иду по главной улице «Сухарей», я знаю, что осень, но на улице тепло, ярко светит солнце, так ярко, что можно проснуться от пронзительного света. Я жмурюсь на солнце, но мне всё равно немного холодно. Кажется, лёгкий ветерок.

– Сколько тебе лет?

– Пятнадцать. – Она подняла брови. – Это важно?

– Просто спросил. – Он пожал плечами.

Короткая пауза.

– Я иду и вижу тебя, справа, ты стоишь у ворот Корчевниковых и разговариваешь с Русликом. Я прохожу мимо и слышу, как Руслик спрашивает: «Кто это?» А ты отвечаешь: «Какая-то девчонка незнакомая».

– Я говорю так о тебе? – удивился Илья.

– Да, обо мне, но я не обижаюсь. Я иду дальше и вижу слева Платона. Он стоит у поворота на нашу улицу и разговаривает с Русликом. Я прохожу мимо и слышу, как Руслик спрашивает: «Кто это?» А Платон отвечает: «Какая-то девчонка незнакомая». Но я не обижаюсь, потому что чувствую, что я – незнакомая девчонка. Меня это не смущает. Я иду по улице, подхожу к дому Розалии, прохожу мимо её ворот, делаю следующий шаг... и оказываюсь в лесу, перед калиткой на мой участок. Солнца больше нет, лес тёмный, мрачный, накрапывает дождь... всё как тогда, в тот день. Я стою перед калиткой и точно знаю, что вы стоите на полшага позади меня. Ты – справа, Платон – слева. Я протягиваю руку, нажимаю на мокрую ручку... и просыпаюсь.

– Всё как тогда, – повторил Бархин.

– Я думала, время лечит, а оно лишь убивает. – Ада пригубила вина. – Идеальный убийца, которому не требуется алиби.

– Это и значит «лечить». – Ада наконец-то оторвала взгляд от камина и посмотрела на Илью, показав, что ей интересно, и Бархин развил мысль: – Когда осознаёшь, что рядом с тобой находится идеальный убийца и ты выбран на роль жертвы, и никакие деньги не могут это изменить – многое перестаёт быть важным.

– Наваливается безразличие?

– Меняются приоритеты. – Илья смотрел Аде в глаза. – Я не равнодушен к тому, что тогда случилось.

– Ты просто об этом не думаешь.

– Да.

– Каждый защищается по-своему.

– Да.

– А ты всегда был самым спокойным из нас. И самым умным.

– Мы сделали то, что решили сделать, и этого не изменить, – ровным голосом ответил Бархин, продолжая смотреть в голубые глаза Ады. – Переживать об этом я не собираюсь.

– Ты даже в детстве был очень прагматичным мальчиком.

– Это комплимент?

– Почти.

– Хорошо. – Илья помолчал. – В таком случае можно, я скажу, что ты прекрасно выглядишь?

– Можно, – рассмеялась Ада. – Но ты потратишь комплимент впустую.

Он вопросительно поднял брови. Она, продолжая смеяться, отрицательно качнула головой. Он едва заметно кивнул, показывая, что всё будет так, как захочет она.

– Где я буду спать?

– В угловой гостевой, если ты не против.

На первом этаже.

– Я не против.

– Я там всё приготовила.

– И когда ты всё успеваешь?

– Когда ты курил, оставив болонье на плите. – Ада встала и вновь потянулась. – Спокойной ночи.

Тонкая ткань чётко обрисовала большую грудь. Лифчиком Ада пренебрегла.

– Если что – я в угловой гостевой.

Она снова рассмеялась и направилась к лестнице на второй этаж. Он отсалютовал бокалом и остался смотреть на огонь. Он знал, что настаивать нельзя.

Неспешно допил коньяк. Дождался, когда угли станут совсем тёмными. Поправил экран и только после этого направился к себе. Улёгся в аккуратно застеленную кровать – когда было надо, Ада становилась прекрасной хозяйкой, – однако сон не шёл. Долгая дорога после трудной ночи – поговорив с Галей, Илья заснул далеко не сразу – и затянувшийся вечер не утомили Бархина.

«Или не спится, потому что я рассчитывал на другой приём?»

Он знал, что мог настоять и отказа бы не последовало. Но и настоящей радости от близости Ада бы не испытала. Она должна хотеть сама, только в этом случае всё получается идеально – как он любил, как он жаждал, как он не мог прекратить, хотя много раз давал себе обещание никогда не приближаться к Аде. Не хотеть её. Не думать о ней. Давал бессчётное количество раз и столько же нарушал, потому что ни с одной другой женщиной не испытывал ничего подобного.

«Ада?»

Показалось или по гостинной и впрямь прошелестели лёгкие шаги?

Илья посмотрел на часы:

02:45.

По всей видимости, он всё-таки заснул, но шаги его разбудили.

«Я действительно слышал шаги?»

Проверить можно было только одним способом.

Бархин поднялся и как был – в одних пижамных штанах – вышел в гостиную, освещённую ярким лунным светом. Не дневным, конечно, но вполне достаточным, чтобы разглядеть стоящую у панорамного окна Аду. Совершенно обнажённую.

Идеально красивую.

Ничего не видящую вокруг.

Ада стояла вплотную к окну, оперевшись в него руками и лбом, не отрываясь смотрела на тёмный лес и шептала:

– Уйди, уйди, уйди... уйди... пожалуйста, уйди... уйди...

Илья проследил за её взглядом и вздрогнул... но через мгновение подумал, что показалось... не могло не показаться... в конце концов...

В конце концов, откуда на участке, со всех сторон окружённом сплошным высоким забором, взялась большой чёрной собаке? Которая, кажется, прыгнула с террасы при его появлении.

Собаки здесь быть не могло!

– Уйди, уйди, уйди...

– Ада?

Она не ответила.

– Уйди... пожалуйста, уйди...

Бархин мягко подхватил женщину на руки и отнёс в спальню.

Он знал, где она находится.

Уложил на кровать – судя по состоянию белья, спала Ада беспокойно, – накрыл одеялом, постоял, раздумывая, а затем деловито проверил прикроватные тумбочки и шкаф. Бутылок не обнаружил, видимо, все они были вовремя отправлены в мусорное ведро, зато в одном из ящичков нашёлся пакетик с белым порошком.

– Проклятье.

Он не злился. Он был очень и очень огорчён.

Вздыхнул, вернул пакетик на место, посмотрел на Аду, после чего улёгся рядом, забравшись к ней под одеяло, и сразу же уснул.

А проснулся – от нежного прикосновения. Очень мягкого, очень возбуждающего. От прикосновения, которое очень любил. И которым владела только одна женщина на свете.

Проснулся, однако открывать глаза не стал – это было частью игры. Но перевернулся, чтобы Аде стало удобнее, и приподнял таз, когда она стягивала с него штаны. А так он «спал». Но чутко реагировал на прикосновения. На возбуждённые соски, которыми она поглаживала его грудь. На мягкие поцелуи.

Не мог не реагировать.

Илья открыл глаза, когда Ада оказалась сверху. Улыбнулся и, продолжая игру, сказал:

– Так это была ты?

– А кого ты ждал?

– Я не ждал, я мечтал, чтобы это оказалась ты.

Ада наклонилась и поцеловала Илью в губы. А он... он хотел всё сразу... одновременно ласкать её стройные, крепкие бёдра и большую грудь... быть снизу и наваливаться сверху... держать её на руках и входить сзади. Он всегда терял с ней голову.

От желания. От возбуждения. От счастья.

– Ты проснулся?

– Разве ты не чувствуешь?

– Судя по тому, что чувствую я, проснулся ты давно.

– И надолго, – пообещал он, сжимая руками бёдра Ады. И глядя ей в глаза. – Надолго...

Почти на четыре часа. С перерывами на отдых, конечно, и на утренний кофе, но на четыре часа. Потом они какое-то время молча лежали, приходя в себя после упоительного финала, потом она поднялась, чтобы пойти в душ, а он потянулся за смартфоном. И когда он вошёл в мессенджер, она, стоя к кровати спиной, негромко произнесла:

– Ты ведь знаешь, что я всегда хотела выйти за тебя замуж?

Он не ответил. Даже не пошевелился. Продолжил пялиться в смартфон, делая вид, что случайно пропустил реплику мимо ушей. Но она знала, что он услышал прозвучавшую фразу. А он знал, что ответ на её вопрос – «Да».

16 июля, суббота

– Бай, не вредничай! Замри, пожалуйста, – попросила Криденс. – Ну, не шевелись ты хоть секунду, сколько можно просить?

Кот ответил девушке внимательным взглядом больших зелёных глаз, понял, что Кри может обидеться, поэтому решил смириться и выполнить просьбу: вскочил на скамейку, упёрся передними лапами в спинку и широко зевнул. А зевнув – замер, позволяя Криденс сфотографировать себя на телефон.

Он умел позировать.

– Спасибо! Отлично!

Бай закрыл пасть и, наострив уши, посмотрел вдоль бульварного сквера. Тоже для съёмки.

– Отличное фото! – Криденс любила делать много кадров, а затем неспешно выбирать лучшие, сравнивая и подмечая отличия в эмоциях или позах. И ещё она знала, что коту нравится внимание и позировать он с удовольствием. Но по кошачьей привычке вредничает.

– Хвост не хочешь поднять?

Кот чуть повернул голову и наградил девушку высокомерным взглядом.

Получился отличный кадр.

– Я знала, что ты так сделаешь!

Ответа не последовало.

Бай иногда перехватывал Криденс по дороге на работу. Выходил навстречу, тёрся об ноги и так звал куда-нибудь гулять: в сад Баумана, в сад Эрмитаж, в скверы или просто бродить по дворам и переулкам. Вдвоём. Потому что это было только их время. Бай резвился, позволял себя фотографировать и охотно брал вкусняшки, которые девушка всегда держала при себе – для него. Бай веселился, а Криденс рассказывала ему новости и чувствовала – не знала, как об этом можно знать? – а именно чувствовала, что кот не просто принимает внимательный вид, а понимает, о чём она рассказывает.

При этом приходил Бай только в те дни, когда Криденс шла на работу одна – бывало, что Феликс задерживался и выходил из дома вместе с девушкой, но к двоим кот не подошёл ни разу. И в квартире Вербина побывал однажды. Явился без предупреждения, встретил парочку у подъезда, поднялся с ними в квартиру, внимательно осмотрел и обнюхал все комнаты, но от угощения отказался, не посмотрел ни на блюдо с молоком, которое выставил Феликс, ни на вкусняшки от Криденс. Закончив осмотр, уселся у входной двери, а когда её открыли – ушёл, дав понять, что мешать не собирается. И когда Вербин спросил, что это было, Криденс ответила, что Бай не мог не проверить, где она теперь живёт, а после проявил деликатность, поскольку к Феликсу кот относился... нормально. Они оба друзья Криденс, она ими дорожит, и этого коту было достаточно.

«С ним вы не друзья, но и не враги, а это очень важно».

Вербин отнёсся к словам девушки без привычной иронии.

– Ты слышал об этом убийстве? – спросила Криденс, удобнее устраиваясь на лавочке и поглаживая улёгшегося на колени Бая. – Какой-то урод убил девушку и запихнул её в багажник машины. А потом выложил в Сеть видео, представляешь? Выложил, вроде как похвастался тем, что натворил, и пообещал, что будет убивать дальше.

Кот фыркнул.

– Слышал? Никогда не пойму, что у таких уродов в головах творится. Зачем они так поступают? Откуда в них такая жестокость? – Короткая пауза. – Извини, чуть было не сказала: «звериная жестокость».

Кот тихонько замурчал, соглашаясь с тем, что звери до такой дикости не опускаются.

– Так вот, Лексу поручили расследовать это убийство. Я на сто процентов уверена, что он справится, но знаешь... я чувствую, что он... Нет, конечно, Лекс не боится, но ему неприятно.

Кот продолжил урчать, но при этом будто случайно выпустил когти на правой лапе. Просто выпустил. И тут же втянул обратно.

– А Лекс видел много разного. Я тебе не рассказывала, да и он мне не часто рассказывает и без особых подробностей, считает, что мне не следует знать о том дерьме, в котором ему приходится возиться, но я знаю, что он видел очень много. А для себя Лекс отрастил броню. Не безразличие, а хладнокровие. Он всегда спокоен, всегда оставляет грязь снаружи, но сейчас я чувствую его беспокойство. Лекс думает об этом деле постоянно. Нет... не так... он постоянно думает о своих расследованиях, но это он чувствует, понимаешь? Это убийство вошло в него, а это убийство – Зло, настоящее Зло. И надеюсь, оно к нему не прилипнет.

Кот неожиданно поднял голову, посмотрел Криденс в глаза и отвернулся.

– Что-то не так?

Криденс почувствовала, что Баю то ли надоела тема, то ли стала неприятна. Неприятна почти так же, как Вербину.

– Но ведь всё будет хорошо?

Бай поднялся и ткнулся лбом в грудь Криденс.

– Значит, всё будет хорошо...

Когда Бай так делал, девушка в это верила. Или хотела верить.

– Какой красивый котик! Сибирский?

Увлёкшись разговором, Криденс не заметила, что на лавочку присела пожилая женщина. Некоторое время соседка молчала, не сводя глаз с Бая, но в конце концов не сдержалась и завела разговор.

– Вы не боитесь гулять с ним без поводка?

– Сибирский, – улыбнулась в ответ Криденс. – В поводке не нуждается.

– Воспитанный? – уточнила женщина, бросив короткий и не очень одобрительный взгляд на татуированную руку девушки.

– Свободный.

– То есть он не ваш?

– Коты не бывают чьими-то, – объяснила Криденс. – Иногда они соглашаются дружить, но никогда – служить.

– Наверное, поэтому у меня никогда не было котов, – вздохнула женщина.

– Только кошки?

– Только собачки. – Она загрустила. – Они живут не очень долго, но соглашаются быть чьими-то.

– Люди сами выбирают себе друзей.

– А кошки? То есть коты?

– Он меня нашёл. – Криденс ответила после долгой паузы. И вновь улыбнулась, но на этот раз – Баю, который продолжал стоять на её коленях. А Бай заурчал, потянулся и ткнулся носом в нос девушки.

* * *

Первые дни, а то и часы расследования – самые важные и энергичные. Преступление только совершено, кровь ещё дымит, следы совсем свежие, адреналина полно, и хочется как можно быстрее добраться до преступника. Каждая информация – новая, принимается «на ура», быстро обдумывается и кирпичиком укладывается в стену расследования. Никто не отвлекается, все увлечены получением новых «кирпичиков» и выстраиванием их связи с соседними. Если везёт и информации поступает много, бодрость старта сохраняется на про-

тяжении всей дистанции и преступник оказывается за решёткой очень и очень быстро. Если же раскрыть преступление по «горячим следам» не получалось и расследование принимало затяжной характер, если темп терялся, становясь медленным и спотыкающимся, а в воздухе начинал ощущаться «запах висяка», то настроение ухудшалось, что не сильно помогало раскрытию преступления.

Сотрудников, занимающихся делом Кровососа, уныние ещё не охватило – шли всего вторые сутки расследования, однако оперативники уже поняли, что имеют дело с умным убийцей, и почувствовали, что темп несколько упал. Классические методы, то есть те, которые стали классическими в последние годы, результата не принесли, идентифицировать Кровососа с помощью видеокамер или смартфона не получилось, и нужно искать новую стратегию поиска.

Или надеяться на глупую ошибку, которую преступник может совершить, а может не совершить во время следующего убийства.

– Кровосос ушёл с первых полос, но связанные с ним материалы по-прежнему в топе поиска, – недовольно рассказал Шиповник, разглядывая подчинённых. – Если вы думаете, что я сам об этом узнал, то ошибаетесь – мне об этом поведал наш уважаемый следователь. Специально позвонил и поведал. Сказал, что раз интерес к теме затихает, но не пропадает, нужно что-то делать и как-то себя проявлять.

– Поэтому он решил не приезжать? – пошутил Колыванов.

– Да, будет работать над поимкой преступника удалённо.

– А так можно было?

– Не тебе.

– Извините.

– Ну, кто на что учился.

Полицейские помолчали, не сговариваясь подумав о том, что «киношный» поступок убийцы по привлечению внимания к преступлению выглядит не только нестандартно, но и нелогично: когда нет огласки, проще признать, что убийца оказался умнее, и перевести дело в разряд «висяков». Радости это никому не доставит, но позволит отступить без публичных репутационных потерь.

«Или ему действительно нужна слава? – угрюмо подумал Вербин. – Хочет прозвучать, как Чикатило?»

– Ничего, сейчас какая-нибудь тиктокерша замуж выйдет на пару недель или разведётся по-быстрому – и все мгновенно забудут о Кровососе, – произнёс Колыванов.

– Я думал, тиктокерши маленькие, – отозвался Феликс.

– Ну, если не тиктокерша, то ещё кто-нибудь из Сети. Главное, чтобы побольше подписчиков.

– О чём вы сейчас? – поинтересовался Шиповник.

– О жизни, товарищ подполковник, о том, что происходит за стенами вашего кабинета, – почти по-уставному доложил Вербин.

– За стенами моего кабинета происходят расследования преступлений, – подыграл ему Шиповник. – Вам это ясно, товарищ майор?

– Так точно!

– И я пока слышу от вас что угодно, кроме доклада о положительном ходе расследования. Что наводит меня на неприятные мысли. – Шиповник демонстративно посмотрел на часы, показывая, что пора завязывать с шутками, и отрывисто спросил: – Что накопили? Имя жертвы установили?

Подполковник понимал, что не установили – о таком успехе оперативники рассказали бы с порога, но специально заговорил об имени, чтобы окончательно вернуть подчинённых на землю.

– К сожалению, нет, шеф. – Вербин подобрался и стал очень серьёзным. – И в ближайшее время не установим.

– Почему?

– Во-первых, у жертвы нет никаких особых примет, даже родинки мелкие, на такие не обращают внимания, да и мало их. Похожих «потеряшек» тоже нет, проверили. А во-вторых, Кровосос постарался как следует: отрубил жертве пальцы...

– Это я видел.

– И так залил кислотой лицо, что Патрикеев вряд ли сможет его смоделировать.

И Вербин быстро пересказал подполковнику разговор с экспертом.

– То есть убийца приложил серьёзные усилия для сокрытия личности жертвы?

– Так точно.

– На основании чего можно сделать вывод, что жертва входит в окружение убийцы?

– Или так, или сможет вывести нас на следующих жертв.

Это предположение вызвало у собеседников заминку.

– Поясни, – велел Шиповник после короткой паузы.

– Патрикеев сказал, что на теле жертвы отсутствуют следы борьбы, то есть убийца скорее всего вырубил её с помощью наркотиков. Исходя из этого, можно предположить, что Кровосос захватил не одну девушку.

– Сделал запас?

– Это всего лишь предположение, – произнёс Вербин. – Интересное предположение, – кивнул Шиповник. – Он ведь анонсировал следующие убийства, так почему бы их не подготовить?

– Учитывая, что он кажется педантом, – добавил Гена. – А теперь вопрос: каких женщин можно под благовидным предлогом привезти в определённое место...

– Проститутки, – перебил Феликса Колыванов.

– Проститутки. – Шиповник ответил на полсекунды позже Гены.

– У нас завёлся Джек-Потрошитель?

Шутка Колыванова не прошла, и Гена сделал вид, что ничего не говорил.

– Но почему убийца скрывает их лица?

– Потому что он их клиент, – быстро ответил Колыванов, которому требовалось загладить неудачную шутку.

– Принято, – согласился Шиповник.

– К тому же летом многие девочки уезжают отдыхать или отдыхать и работать, – продолжил Гена. – И не все ставят в известность о передвижениях своих эффективных менеджеров.

– Сутенёров, что ли?

– Ага, их.

– Почему ты их так назвал? – удивился подполковник. – А как их ещё называть?

– В общем, пожалуй, да, – поразмыслив, согласился Шиповник. И тут же велел: – Вернёмся к делу. Оперативники мгновенно замолчали.

– Если жертва, или жертвы, действительно проститутки, то вырисовываются две версии. Первая: Кровосос покажет несколько перформансов, наподобие того, что мы уже видели, после чего исчезнет.

– Версия «Потрошитель», – не сдержался Колыванов.

На этот раз замечание показалось уместным.

– И если мы его не возьмём, через некоторое время он вернётся, чтобы убить снова.

– Думаете, вернётся?

– Думаешь, не возьмём? – вопросом на вопрос ответил Шиповник. Жёстко ответил, настолько жёстко, что Гена стусевался:

– Мы постараемся.

– Знаю, постараетесь. – Подполковник бросил быстрый взгляд на молчащего Феликса. – А что касается Кровососа – он вернётся, ему нравится убивать. – Шиповник выдержал паузу, давая подчинённым возможность воспринять свои слова, после чего продолжил: – Вторая версия: проститутки являются для Кровососа не целью, а способом привлечь к себе внимание. Он хочет оттенить главное убийство.

– Как в кино.

– Если считаешь, что пришёл в кино, – заплати за билет.

– Как?

– Найди режиссёра.

– Мы постараемся.

– Я это уже слышал. – Шиповник побарабанил пальцами по столешнице. – Версия с проститутками интересная, проработайте её. Ещё что-нибудь накопили? По телефону есть подвижки?

– Поскольку самого телефона у нас нет – ничего нового выяснить не смогли.

– С хакерами работаете?

– Да. Но пока тишина.

– Они редко доносят на клиентов, – добавил Вербин.

– Так объясните им, что в этом случае нужно донести.

Оперативники переглянулись, но рассказывать шефу о сложностях проведения мероприятий в DarkNet не стали.

– Идеи есть?

– У меня есть, но не в нашем стиле, – подал голос Вербин.

– Выкладывай. – Судя по тому, что Шиповника не смутило уточнение про стиль, он был готов хвататься за любую соломинку.

– Я бы поделился с обществом некоторыми нашими наработками, – сказал Феликс. – Не всеми, конечно, но рассказал бы о том, что Кровосос использует несколько телефонов с фейковыми каршеринговыми аккаунтами, а главное – о нашем предположении, что убийца держит в плену ещё несколько девушек.

– Зачем? – не понял Кольванов.

– Пусть рассказывают обо всех подозрительных местах или соседях, – ответил Вербин, продолжая смотреть на Шиповника.

– Будет вал звонков.

– Проверим каждый.

– Не тебе проверять, к счастью. – Шиповник потёр ладонью шею. В жару он потел именно ею. Подмышки, спина, лоб – все «нормальные» части тела, на которых у «нормальных» людей выступал пот, у подполковника оставались сухими, а шея потела невероятно. – Идея действительно не в нашем стиле, но может сработать: если запланировано несколько жертв, убийце придётся активно передвигаться, что может вызвать подозрение соседей... Я поговорю с Анзоровым. – Пауза. – Кто-нибудь докопался до мышей?

– Докопались, – отозвался Вербин.

– Молодцы, – Шиповник улыбнулся. – И как успехи?

– Узнал много нового, – не стал скрывать Феликс, забрасывая ногу на ногу. – Как оказалось, у нас в стране действительно занимаются разведением летучих мышей, честно говоря, я этого совсем не ожидал. Питомников мало, но они есть. Я отыскал их через Интернет, кому-то позвонил, кому-то написал и попросил помочь. Некоторые, кстати, ждали моего звонка.

Учитывая, что видео с вылетающими из багажника мышами широко разошлось по Сети, в ожидании звонка из полиции не было ничего неожиданного.

– Я попросил собеседников не распространяться о моём звонке и спросил, не было ли в последнее время заказов на крупные партии летучих мышей. Как выяснилось, не было и быть

не могло, поскольку в питомниках зверьков продают поштучно или вообще что-нибудь экзотическое за большие деньги.

– Экзотические летучие мыши? – удивился Колыванов.

– Ну, там, из Южной Америки таскают или других стран.

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем заводить дома летучую мышшь?

– А зачем заводить дома удава? – вопросом на вопрос ответил Вербин и не сдержал улыбку, поскольку выражение лица Колыванова ясно указывало на то, что Гена искренне не понимает ни тех ни других. – У людей появляются деньги, и они оказываются в состоянии исполнить свои фантазии. Или мечты.

– Ну, удав ещё куда ни шло, это что-то вроде дорогого аксессуара. Говоришь в незнакомой компании: «У меня дома живёт удав», – и люди понимают, что перед ними человек не бедный, может себе позволить. А кто может мечтать завести себе летучую мышшь? У моей бабушки на чердаке жил целый выводок, и я мечтал от него избавиться.

– Боялся?

– Угу.

– А люди их любят.

– Я читал, что в Южной Америке живут вампиры, – припомнил Шиповник. – Их тоже к нам привозят?

– Не, этих вроде не привозят, во всяком случае, официально, – ответил Вербин. – Мне предложили Белого листоноса с жёлтыми ушами за сорок тысяч и ещё...

– Кого тебе предложили? – вновь не сдержался Гена. – Утконоса?

– Листоноса.

– Это вообще что?

– В Сети посмотришь.

– Он тоже пьёт кровь?

– Порезвились, и будет. – Шиповник чуть повысил голос. – Феликс, давай, по делу.

– Извините, шеф. – Вербин взглядом пообещал Гене рассказать о мышах подробно, но потом, и продолжил: – В общем, я обзвонил несколько питомников, везде услышал примерно одно и то же, решил, что докопаться до мышей не получится, но вчера поздно вечером на «горячую линию» позвонил мужик из Воронежа и сообщил, что располагает интересной информацией по летучим мышам. Сегодня я с ним связался, и он рассказал, что несколько недель назад ему предложили большой заказ – добыть девяносто летучих мышей. Три ящика по тридцать штук.

– Их было тридцать, – прищурился Колыванов. – Поэтому они так красиво смотрелись на видео.

– Мужик этим зарабатывает? – поинтересовался Шиповник.

– В том числе этим.

– Заказ пришёл через Сеть?

– Разумеется.

– Как-то объяснили?

– Сказали, что очень богатый человек хочет устроить вечеринку в готическом стиле. – Вербин увидел на лицах собеседников непонимание и уточнил: – Ну, там, кресты, гробы, могильные плиты, чёрные одежды, чёрный макияж...

– И у мужиков?

– И у мужиков.

– А точно речь идёт о готическом стиле?

– Точно.

– А летучие мыши понадобились для антуража?
– Совершенно верно, – подтвердил Вербин. – Гонорар предложили серьёзный, без скидок на оптовую партию и чётко оговорили срок поставки.

– Когда?

– Восьмое июля.

Шиповник и Колыванов одновременно посмотрели на настенный календарь.

– За шесть дней до первого убийства.

– И за день до предполагаемой даты похищения.

– Кровосос весьма энергичен, – протянул подполковник. – Как была осуществлена доставка летучих мышей?

– Мужик наловил зверьков...

– Их что, можно наловить? – удивился Колыванов, пропустивший мимо ушей вопрос Шиповника.

– Всех можно наловить, – ответил напарнику Феликс. – Было бы желание.

– Мужу платили авансом? – уточнил Шиповник.

– Конверт с наличными по почте.

– Его это не насторожило?

– А почему его должно было что-то насторожить? Деньги есть деньги. К тому же клиент сказал, что не в состоянии провести через бухгалтерию расходы на приобретение летучих мышей.

Колыванов хмыкнул.

– Ну, допустим, – согласился Шиповник, пряча улыбку. Возможно, потому что представил себе выражение лица бухгалтера в этот момент. – Кому он передал мышей?

– Курьеру, – ответил Феликс. – Я запросил у воронежских коллег поддержки, они пообещали проработать курьера, но я думаю, это тупиковая ветка.

– Почему?

– Кровосос не дурак. Он наверняка обставил всё так, чтобы не встречаться с курьером. Если нет – я буду сильно удивлён.

– Я тоже буду удивлён, – не стал скрывать Шиповник. – Но проверить «тупиковую ветку» нужно обязательно.

– Я объяснил воронежским коллегам важность задачи.

– Хорошо. – Подполковник помолчал, окончательно додумывая «мышиную» тему, не нашёл, к чему придраться, и поинтересовался: – Что с машинами?

Сотрудники окружного управления весь день сидели перед мониторами, пытаясь вычислить машину Кровососа, и Шиповник хотел знать, есть ли у них результаты.

– Несмотря на позднее время, движение по Верхним Полям оказалось интенсивным, – рассказал Гена, открывая блокнот. – Машин ехало много, было из чего выбрать. Ребята изучали поток в обоих направлениях: и в центр, и в сторону области. Временной интервал – четыре часа с момента окончания аренды каршеринга.

– Не многовато?

– Нормально, если Кровосос решил отсидеться на Верхних Полях.

– Я думаю, он уехал оттуда в течение часа. Сначала переставил машину подальше от каршеринга, но так, чтобы не оказаться под видеокамерами, а потом уехал.

– Или так, – не стал спорить Колыванов. – Можно продолжать?

– Интервал приезда исследовали?

– Конечно! Кровосос взял BMW в двадцать сорок три, ребята проверяли оба потока – и в центр, и в область – начиная с шестнадцати тридцати. То есть мы ищем автомобиль, который въехал на Верхние Поля в течение четырёх часов до того, как Кровосос арендовал BMW на Люблинской, а выехал в течение четырёх часов после того, как он пересел в свою

машину. Особое внимание уделялось тем автомобилям, в которых удобно перевозить упакованный известным образом труп... Перевозить и перекладывать. Соответственно, были исключены небольшие седаны и большие грузовики. Фургоны размером с «Газель» оставались в поле зрения, но я не думаю, что Кровосос управлял такой машиной. Хотя исключать такую возможность нельзя.

– Местных опросили?

– Вчера на Верхних Полях работало не менее десятка сотрудников, – ответил Колыванов. – И сегодня вышло столько же. Ребята из округа отработывают очень хорошо, но пока, увы, никаких зацепок: никто не видел припаркованный за забором автомобиль.

– Или не обратил на него внимания.

– Или так. – Колыванов вздохнул. – Что же касается проверки автомобильного потока... то с ней есть проблема.

– «Дырка» в камерах? – догадался Шиповник.

– И очень большая, – уныло подтвердил Гена. – Из той зоны, в которой находился автомобиль преступника, можно выехать, минуя камеры, и оказаться настолько далеко, что поиск не даст результата, потому что работать придётся с очень большим объёмом информации.

– То есть «пустышка»?

– Ребята попробуют что-нибудь придумать, но я бы на это не поставил.

– Поэтому Кровосос и выбрал Верхние Поля – знал о «дырке».

– Каким образом он о ней узнал?

– Задержим – спросим, – развёл руками Вербин. – Но в совпадение верится с трудом.

– Согласен: в совпадение совсем не верится. – Шиповник снова вытер шею. – Ну, что же, не могу сказать, что вы меня порадовали. Продолжайте, и... ждём следующий труп.

Последняя фраза прозвучала и мрачно, и грустно.

* * *

Когда убийца узнал, как много видеокамер следит за улицами Москвы и ближнего Подмосковья, он едва не отказался от задуманного. Обойти их казалось невозможным, и это обстоятельство грозило разрушить замысел, который убийца искренне считал грандиозным. Планируемое преступление поражало безжалостной красотой, но предполагало множество перемещений, каждое из которых пришлось тщательно продумать, а во время движения – принимать драконовские меры предосторожности. Но и с учётом этого убийца не позволял себе расслабляться. Вернувшись из очередной поездки, он поставил отметку в воображаемом журнале: «Автомобиль привлёк внимание», а значит, его нужно сменить или изменить. Покупать другую машину смысла не имело – выбранная модель идеально подходила для решения стоящих перед убийцей задач, и менять её имело смысл только на однотипную, но если она действительно привлекла внимание, полицейские будут просматривать все автомобили такого класса, и чтобы избежать личной встречи со стражами закона, нужно сделать машину «неинтересной» для проверки.

Сделать правильный психологический ход.

Вроде того, что возвращаясь в воскресенье – или в субботу! – из гостей, за руль нужно сажать жену, а самому обязательно – обязательно! – оставаться на переднем пассажирском сиденье, демонстрируя встречающимся по дороге патрульным лёгкую – или тяжёлую – форму усталости от недавно прекратившихся возлияний. Увидев эту картину, любой патрульный мгновенно нарисует в воображении «правильную» картину: мужчина перебрал, недовольная жена его подменила – и не станет останавливать их для проверки состояния водителя.

Примерно такой ход требовался убийце: так привлечь к машине внимание, чтобы показать, что останавливать её не имеет смысла. Убийца этот ход придумал заранее и теперь, приехав в арендованный через подставное лицо гараж, приступил к его реализации.

И снова – тщательное планирование и внимание к мелочам: убийца выбрал гаражную стоянку, проезжать в которую можно было по брелоку, не беспокоя сторожей; заранее заделал все щели, добившись того, чтобы наружу не пробивался ни один луч света; и приехал ночью, оставшись никем не замеченным, как и во всех других случаях. Убийце требовались укромное место и несколько часов для спокойной работы, он это место себе организовал, и теперь, надев перчатки и маску, внимательно разглядывал автомобиль, прикидывая, с чего удобнее начать.

Ах, да, ещё убийце требовалась аккуратность, но этого ему было не занимать.

* * *

– Поймают, и очень скоро! – убеждённо воскликнул лысый мужчина, удивлённый тем, что с ним не соглашаются. И сделал большой глоток пива. Это была его третья кружка, и лысый начал слегка горячиться.

Сидящая за стойкой Криденс обернулась, среагировав на возглас – громкие звуки иногда становились предвестником крупной ссоры, но сразу поняла, что за столиком расположились друзья, и не стала указывать Антону на шумных гостей.

– Поймают, точно вам говорю.

– Вот уж не знаю, – пробубнил его носатый приятель. Судя по всему – главный скептик компании.

– Почему не знаешь?

– Человек, который придумал, как выложить видео в Сеть и не оставить следов, вряд ли позволит быстро себя поймать.

– А почему ты думаешь, что он не оставил следов? – спросил третий член компании.

– Потому что его бы уже взяли, – пожал плечами скептик. – По цифровым следам быстро находят.

Может, тема Кровососа и исчезла с первых полос, но по-прежнему оставалась самой обсуждаемой в городе. И даже в стране. Поскольку ни разу в новейшей истории России убийца не вёл себя с такой дерзостью: не обращался к обывателям, не выставлял напоказ свои преступления. Кровосос наводил страх, но... но все знали, что его жертвой стала молодая женщина, и предполагали, что в дальнейшем убийца себе не изменит. И это предположение придавало трём мужчинам храбрости, позволяя рассуждать о Кровососе с интересом, но без беспокойства. Кроме того, ходили слухи, что убитая девушка работала по вызову – такие слухи всегда появляются со времён Джека-Потрошителя, – и они успокаивали честных женщин. Люди чувствовали возбуждение, но не опасность. Но им не нравилось, что по городу разгуливает дерзкий и очень жестокий убийца.

– Один раз у него прокатило, но больше не повторится, – продолжил лысый. – Скоро до него доберутся.

– Почему ты так уверен?

– Потому что мы все под колпаком, старик, понял? В Москве повсюду камеры, которые наблюдают за нами в режиме 24/7.

– Кровосос наверняка что-нибудь придумал.

– Женька, ты знаешь, я тебя люблю, но ты – баран.

Обижаться носатый не стал, видимо, давно знал лысого и привык к подобным выступлениям, но продолжил гнуть свою линию:

– Я просто хочу разобраться.

– А что тут разбираться, если всё абсолютно ясно? По всей Москве сто тысяч видеокамер...

– Сто тысяч? – недоверчиво прищурился третий.

– Может, больше, – не стал мелочиться лысый. – Мне шурин рассказывал, он в системе «Безопасный город» работает.

– Эффективным менеджером?

– Не, шурин у меня мужик нормальный, работающий. Инженер. Так вот, он рассказывал, что за последние годы камер столько понатыкали, что на них невозможно не попасться. Они повсюду. Мы на них внимания не обращаем, не замечаем, а они на нас смотрят.

– Врёт.

– Зачем ему врать? – удивился лысый.

– Ну, привирает.

– Он их устанавливает и точно знает.

– Специально привирает, чтобы себя показать.

– Он не такой, не... – Лысый сделал большой глоток пива. – В общем, он сказал, что полицейским теперь лафа – за них всё камеры делают. И телефоны.

– Которые нас подслушивают? – хмыкнул скептик.

– Ну, подслушивают или нет – сам решай, а шурин говорит, что если преступление случается, полицейские сначала телефоны пробивают – какие в это время в этом месте находились.

– Это как?

– Это самое простое. Труба ведь постоянно в Сети определяется, а узнать, где именно, – как два пальца об асфальт.

– Ну, допустим, – вынужден был согласиться скептик.

– Вот тебе и допустим, – продолжил напирать лысый. – И одновременно с телефонами смотрят по камерам, кто там рядом был, что делал и куда потом пошёл.

– Так они вообще разучатся преступников ловить, – заметил третий.

– Ну, разучатся или нет – не знаю, пока вроде получается, но говорю, как шурин сказал: в Москве хрен спрячешься.

– Но Кровосос же спрятался.

– Блин, Женька, я ведь с этого начал – его скоро поймают.

– А я знаю, почему его до сих пор не поймали, – неожиданно сказал третий.

– Почему?

– Потому что Кровосос – вампир и в камерах его не видно. – Третий выдержал паузу. – Это он из багажника вылетел в виде мышей. – Ещё одна пауза. – Как вам версия?

Лысый и скептик переглянулись, после чего лысый предложил:

– Выпьём?

Всерьёз обсуждать вампирскую версию ему не хотелось. Скептику – тоже. Поэтому выпили.

///

– Вампир? – переспросил Вербин. – Ты серьёзно?

– Серьёзнее некуда, – подтвердил Олег. – Вся Москва об этом шепчется.

– Ну, ерунда же.

– Может, и ерунда, но летучие мыши и то, что убийца выпил кровь...

– Он сцедил кровь, – поправил Олега Феликс.

– Но вы не знаете, что Кровосос с ней сделал, ведь так? А народ считает, что выпил, а вы этот факт скрываете.

Вербин молча развёл руками, показывая, что спорить с народом не собирается: раз народ верит – пусть верит, а его дело – раскрыть преступление. Если его совершил вампир, значит, будет ловить вампира.

К счастью, они сидели за дальним угловым столиком, в «Небесах» былолюдно, шумно, и поэтому никто, даже соседи, не услышали заявление Олега.

– И сказать вам о Кровососе нечего, да?

– Ну, вообще-то на второй день расследования тщательно спланированного и аккуратно совершённого убийства трудно сказать что-то определённое, – недовольно пробурчал Феликс. – Вот уж не думал, что придётся тебе об этом рассказывать.

Олег был известным московским журналистом, его колонки на злободневные темы пользовались большой популярностью, а число подписчиков в телеграм-канале давно перевалило за сто тысяч. Проиигнорировать тему Кровососа он, разумеется, не мог и надеялся, что старое знакомство с Вербиным поможет заполучить эксклюзивный материал. Но пока надежда не оправдывалась.

– Сказать действительно нечего?

– На данный момент общественность знает всё, – ответил Феликс, глядя собеседнику в глаза. – Он заставил нас вести расследование максимально открыто.

– И вы ничего не спрятали в рукаве?

– Если и спрятали, то не для того, чтобы сдать.

Это Олег понимал и вопрос задал по привычке, в надежде, что собеседник проболтается.

– И то, что он оставил труп в каршеринге, вам не поможет?

– Думаешь, под настоящим аккаунтом арендовал машину?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.